

На правах рукописи

ГОВЕНЬКО Татьяна Владимировна

**КОНЦЕПЦИИ МИФА, СКАЗКИ, ЭПОСА
В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЭТИКЕ А.Н. ВЕСЕЛОВСКОГО**

Специальность 10.01.09 – Фольклористика

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва, 2022

Работа выполнена в отделе фольклора
ФГБУН «Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской
академии наук»

Официальные оппоненты:

Силантьев Игорь Витальевич, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, профессор, директор ФГБУН «Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук»

Джапуа Зураб Джотович, доктор филологических наук, иностранный член РАН, президент Академии наук Абхазии

Краюшкина Татьяна Владимировна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, заведующий Центра истории культуры и коммуникаций ФГБУН «Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук»

Ведущая организация:

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

Защита состоится «14» сентября 2022 г. на заседании диссертационного совета Д 002.209.04 при ФГБУН «Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук» по адресу: 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте ФГБУН ИМЛИ им. А.М. Горького РАН: <http://imli.ru/dissertatsionnyj-sovet-d-002-209-04-o/dissertatsionnyj-sovet-d-002-209-04/5091-kontseptsiya-mifa-skazki-i-eposa-v-istoricheskoy-poetike-a-n-veselovskogo>

Автореферат разослан «___» _____ 2022 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологический наук

С.С. Макаров

Общая характеристика диссертационной работы

Одним из ярчайших представителей российской гуманитарной науки второй половины XIX в. по праву считается академик Александр Николаевич Веселовский (1838–1906). Его научное наследие обширно и многообразно. Список опубликованных трудов ученого, составленный П.К. Симони¹, включает в себя более 280 наименований работ и рецензий по общетеоретическим вопросам литературы и фольклора, по истории литературы итальянского Возрождения, византийской и древнерусской литературы, романа и повести, сравнительно-исторических исследований эпоса, а также исследований творчества А. Данте, Фр. Петрарки, Дж. Боккаччо, В.А. Жуковского. Важнейшим открытием А.Н. Веселовского признана теория исторической поэтики.

Изучение наследия А.Н. Веселовского началось сразу после смерти ученого. В первую очередь это было связано с подготовкой к печати его Собрания сочинений. В Императорской Академии наук утвердили план издания из 26 томов, в которое должны были войти все опубликованные труды ученого, в том числе и на иностранных языках с переводами на русский язык, однако издано было только 10. Активное участие в их подготовке принимали М.К. Азадовский, М.П. Алексеев, Н.П. Андреев, Г.С. Виноградов, Б.В. Казанский, Н.Ю. Крачковский, Б.А. Ларин, А.И. Никифоров, В.Ф. Шишмарев и другие.

Осмыслением исторической поэтики А.Н. Веселовского в 1920-е – 1930-е годы занимались Н.П. Андреев, Е.В. Аничков, Вяч.И. Иванов, В.М. Жирмунский, В.М. Истрин, В.Н. Перетц, В.Я. Пропп, А.И. Соболевский, О.М. Фрейденберг, В.Ф. Шишмарев, В.П. Шкловского и многие другие.

К 100-летию со дня рождения А.Н. Веселовского В.М. Жирмунский (автор предисловия), М.П. Алексеев (автор комментария), В.А. Десницкий и А.А. Смирнов подготовили к печати и издали сборник работ ученого «Избранные статьи» (1939), а через год В.М. Жирмунский выпустил еще один сборник под названием «Историческая поэтика» (1940).

Несмотря на все усилия, предпринимаемые М.К. Азадовским, Г.С. Виноградовым, В.Ф. Шишмаревым после Второй мировой войны, работа над

¹ *Симони П.* К LX-летию учено-литературной деятельности профессора и академика А.Н. Веселовского. 1859–1902. С приложением библиографического списка его учено-литературных трудов с указанием содержания книг и статей и с присоединением рецензий на них с 1859 по 1906 гг. СПб., 1906. – 44с.

собранием сочинений А.Н. Веселовского возобновлена не была. В 1947–1948 гг. гуманитарная наука переживала период борьбы с проявлением космополитизма, и с резкой критикой в адрес компаративизма А.Н. Веселовского выступили А.А. Фадеев, В. Кирпотин, И.П. Дмитраков, А.Г. Дементьев и др. Процесс освоения наследия А.Н. Веселовского был прерван почти на двадцать лет.

Когда в 1960-е годы «запрет с имени Веселовского был снят, – вспоминает В.Е. Хализев, – положение вещей менялось медленно: литературоведение оказалось неподготовленным к возрождению исторической поэтики»². Причину этого явления А.В. Михайлов видел в утрате целостности наследия А.Н. Веселовского. По его мнению, «более простые линии движения мысли [Веселовского – Т.Г.] подхватывались по отдельности»³ и развивались по двум путям: «генетическому – выявление исторической преемственности отдельных литературных категорий, жанров, видов, приемов и т. п.; и типологическому – исследование исторических типов поэтики, сопряженных со сменой эпох и направлений в литературе»⁴, – чего делать было нельзя, так как это обесценивало метод исторической поэтики.

Важный вклад в возрождение имени А.Н. Веселовского в 1960–1980-е гг. внесли М.К. Азадовский, В.Е. Гусев, В.М. Гацак, В.М. Жирмунский. Осуществляя архивные публикации ученого, они значительно обогатили представление о наследии А.Н. Веселовского и его теории исторической поэтики. И.К. Горский издал небольшую монографию «Александр Веселовский и современность» (1975) и написал раздел «Сравнительно-историческое литературоведение» в коллективный труд «Академические школы в русском литературоведении» (1976), изданный под редакцией П.А. Николаева, где большая часть отводилась А.Н. Веселовскому. В этот же период появился ряд статей об исторической поэтике В.С. Баевского, В.И. Ереминой, Е.М. Мелетинского, Л.В. Чернец и др.

В конце XX в. в филологической науке наметились перспективные тенденции в восприятии идей А.Н. Веселовского, чему способствовали труды

² Хализев В.Е. Перспективы разработки исторической поэтики и наследие Веселовского // Наследие Александра Веселовского. Исследования и материалы. СПб., 1992. С. 107.

³ Михайлов А.В. Проблемы исторической поэтики в истории немецкой культуры. Очерки по истории филологической науки. М., 1989. С. 16.

⁴ Аверинцев С.С., Андреев М.Л., Гаспаров М.Л., Гринцер П.А., Михайлов А.В. Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. Отв. ред. П.А. Гринцер. М., 1994. С. 3.

С.Н. Азбелева, С.Н. Бройтмана, В.Е. Ветловской, Е.А. Костюхина, А.В. Михайлова, М.Б. Плюхановой, Б.Н. Путилова, Е.К. Ромодановской, Н.Д. Тамарченко, А.Л. Топоркова, Р.П. Трофимовой, В.Е. Хализева и др.

Новый этап в освоении исторической поэтики А.Н. Веселовского был предпринят уже в XXI в. известным литературоведом И.О. Шайтановым. В статье ««Историческая поэтика»: опыт реконструкции ненаписанного» (2010) он пишет, что в науке долгое время было принято считать, что «Историческая поэтика» – это итоговый труд А.Н. Веселовского, который он не успел завершить, но если посмотреть на историческую поэтику иначе – как на творческий процесс, который «растянулся» во времени и пространстве и нашел свое отражение в многочисленных работах ученого, раздробилась по циклам, рукописям, запискам, пометкам на оттисках, – то нам вполне под силу этот план реконструировать. В изданиях «Александр Веселовский. Избранное: Историческая поэтика» (2006) и «Александр Веселовский. Избранное: На пути к исторической поэтике» (2010) И.О. Шайтанов разместил теоретические работы ученого не по хронологическому принципу, а «следуя логическому плану автора, соотнося с этим планом то, что было им сделано»⁵. В результате такого эксперимента мы получили новое издание «Исторической поэтики» А.Н. Веселовского, которое позволяет оценить многовекторность методологических решений выдающегося ученого в его теории всеобщей истории словесного искусства.

В последние десятилетия освоением наследия А.Н. Веселовского активно занимались как отечественные, так и иностранные ученые. Среди них Л.М. Гонелли, В.К. Зубарева, Д. Кемпер, И. Клигер, Б.П. Маслов, А.Е. Махов, С. Маццанти, М.П. Одесский, А.А. Панченко, М.В. Пащенко, А.Л. Рычков, И.В. Силантьев, Ма Сяохуэй, Сунь Цявень и др.

К сожалению, творческой лаборатории ученого до сих пор было уделено мало внимания, а между тем, если свести воедино все сочинения А.Н. Веселовского, опубликованные как на русском, так и на иностранных языках, его архивные заметки и письма, мы сможем проследить, как и на основании чего формировались его взгляды, рождались новые идеи или переосмыслились старые в свете тех или иных гипотез, как он работал с материалом, экспериментировал с формой, создавал оригинальные модели видения мира

⁵ Шайтанов И.О. Классическая поэтика неклассической эпохи // Александр Веселовский. Избранное: Историческая поэтика. М., 2006. С. 18.

человеком в разные исторические эпохи. Обладая критическим мышлением, А.Н. Веселовский теоретическим высказываниям и обобщениям предпочитал предварительные выводы и постановку множества вопросов. С одной стороны, это приводит к разным интерпретациям его взглядов и идей, а, с другой стороны, благодаря возникающим на этой почве научным диалогам и дискуссиям ширятся горизонты научного познания.

В подготовке к изданию четырех сборников работ А.Н. Веселовского о фольклоре, мы, в свою очередь, пользовались комплексно-тематическим методом и принимали во внимание все обнаруженные нами в архиве ученого неопубликованные материалы, включая заметки на оттисках его статей, дополнения и исправления, часто сделанные карандашом мелким почерком на полях. Как правило, в уже опубликованных статьях он что-то вычеркивал, где-то вносил правку, местами клеивал целые страницы, объем которых мог превышать первоначальный печатный текст. Нередко А.Н. Веселовский практиковал издание сразу нескольких версий работ на одну и ту же тему, причем на разных языках. В его архиве встречаются работы, которые никогда не были опубликованы, но если их включать в изучение, то понимание концепций и методологий ученого обогащается. Важное значение для достижения этой цели, на наш взгляд, имеет и эпистолярное наследие А.Н. Веселовского как на русском, так и на иностранных языках, включая письма его корреспондентов.

Таким образом, присовокупив к опубликованным работам ученого о мифологии и фольклоре материалы, извлеченные нами из архива ученого, а также его работы на иностранных языках и письма, мы надеемся в настоящем диссертационном исследовании получить более точное представление о теоретико-аналитических концепциях А.Н. Веселовского о мифе, сказке и эпосе.

Актуальность темы диссертационного исследования

К теоретико-методологическому наследию А.Н. Веселовского сегодня наблюдается динамично возрастающий интерес научного сообщества как в России, так и за ее пределами. Современные исследователи делают попытки максимально объективно изучить истоки и самобытность научной школы А.Н. Веселовского. Пристальное внимание уделяется концептуально-методологическим разработкам ученого в области генезиса, типологии и эволюции как фольклорных, так и литературных родов и жанров; придается важное значение сравнительно-историческим исследованиям; поднимаются

вопросы о рецепциях его идей и опыте научного трансфера; осуществляются переводы работ А.Н. Веселовского на иностранные языки; дается «вторая жизнь» сочинениям, ставшим библиографической редкостью; готовятся к публикации архивные материалы и эпистолярный ученого.

О важности наследия академика А.Н. Веселовского для отечественной и мировой науки говорят международные научные конференции последних десятилетий: «Александр Веселовский. Актуальные аспекты наследия» (2006 г., ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом), Санкт-Петербург, Россия); ««Историческая поэтика» А.Н. Веселовского: актуальные проблемы и перспективы изучения» (2008 г., МПГУ, Москва, Россия), «Историческая поэтика: прошлое, настоящее и будущее» (2011 г., Чикагский университет, Чикаго, США); «Историческая поэтика: кризис, перемены и долгосрочная продолжительность» (2012 г., Брауновский университет, Провиденс, США); «Старые теории, как и почему?» (2013 г., Париж, Франция); «История литературы: русские теории в постгегелевском ключе» (2013, Бостонский университет, Бостон, США); «Русская школа исторической поэтики» (2013, Мюнхен, Германия), «Наследие Александра Веселовского в мировом контексте» (2016 г., ИМЛИ РАН, Москва, Россия); «Веселовские чтения» (2018 г., ИМЛИ РАН, МПГУ, Москва, Россия) и др.

По итогам некоторых конференций были изданы коллективные труды: «Историческая поэтика» А.Н. Веселовского: актуальные проблемы и перспективы изучения. Сборник статей. М., 2008; Александр Веселовский. Актуальные аспекты наследия. Исследования и материалы / Отв. ред. В.Е. Багно и др. СПб., 2011; Die russische Schule der Historischen Poetik (Русская школа «исторической поэтики») / Hg. Dirk Kemper, Valerij Tjura, Sergej Taškenov. München: Wilhelm Fink, 2013; Наследие Александра Веселовского в мировом контексте. Исследования и материалы / Отв. ред. Т.В. Говенько. М.–СПб., 2016.

Важная роль в популяризации идей А.Н. Веселовского в англоязычной среде сегодня отводится онлайн ресурсу «Historical Poetics», над которым работают К. Холланд, И. Клигер, М. Куничика, Б. Маслов, Дж. Э. Меррилл, В. Сомофф и др. (URL: <https://lucian.uchicago.edu/blogs/historicalpoetics>).

За последние годы труды Веселовского были переведены на итальянский, английский, китайский языки.

Актуальность данного диссертационного исследования обусловлена необходимостью внести уточнения в теоретические представления А.Н. Веселовского о мифе, сказке и эпосе в свете исторической поэтики и истории идей. Сознательно нами обходятся стороной его исследования христианской мифологии и средневековой литературы, поскольку эта тема представляется нам очень обширной и требующей самостоятельного изучения.

Объект диссертационного исследования – опубликованные и неопубликованные работы академика А.Н. Веселовского о мифологии и фольклоре, как на русском, так и на иностранных языках.

Предмет диссертационного исследования – концепции А.Н. Веселовского о мифе, сказке и эпосе в свете исторической поэтики и истории идей.

Материал диссертационного исследования

Материалом диссертационного исследования стали как опубликованные в академических изданиях труды А.Н. Веселовского о мифологии и фольклоре, так и архивные материалы, извлеченные нами из личного архива ученого (Рукописный отдел ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом), фонд 45). Всего нами было изучено около 100 единиц хранения.

Цель диссертационного исследования

Перед исследованием поставлены следующие цели:

- изучить работы А.Н. Веселовского о мифологии и фольклоре как раннего, так и позднего периода его научного творчества;
- выявить их теоретические и методологические достоинства;
- осветить научную значимость концепций А.Н. Веселовского о мифе, сказке и эпосе для отечественной и международной фольклористики;
- проследить, как эволюционировал взгляд ученого на миф, сказку и эпос;
- установить, что привело его к новым методам в разработке материалов.

Поставленная цель предполагает решение следующих задач:

- выявить в печатных изданиях и рукописном архиве А.Н. Веселовского работы, посвященные проблемам мифа, сказочной прозе и эпическим песням, и изучить их в хронологической последовательности;
- изучить исследования, посвященные наследию А.Н. Веселовского, и выделить наиболее продуктивные для наших целей идеи;

- восстановить интеллектуальные и общественно-политические предпосылки, полемические контексты, межличностные связи, оказавшие влияние на становление и развитие научного мировоззрения А.Н. Веселовского;
- рассмотреть концепции мифа, сказки и эпоса А.Н. Веселовского в свете отечественной и западноевропейской науки XIX столетия;
- определить, какими методами и методологиями изучения фольклорной поэтической системы с точки зрения генезиса, типологии, эволюции, заимствования элементов пользовался А.Н. Веселовский;
- теоретически осмыслить научную значимость работ А.Н. Веселовского, посвященных проблемам мифа, сказочной прозе и эпическим песням;
- выявить природу мотива, сюжета, схемы, праформы в понимании А.Н. Веселовского;
- ввести в научный оборот обнаруженные нами в архивах материалы: дипломную работу А.Н. Веселовского, его неопубликованные статьи, рецензии, конспекты лекций, дополнения, сделанные им на оттисках, письма.

Методология диссертационного исследования

В основу диссертации легли такие методологические принципы, как историзм и системность.

В ходе работы были использованы:

- исторический метод;
- биографический метод;
- ретроспективный метод, дающий возможность оценить общее состояние науки второй половины XIX в.;
- сравнительный метод;
- системный метод, позволяющий установить причинно-следственные связи и внутреннюю логику в научном наследии ученого, проследить эволюцию его взглядов;
- метод комплексно-тематического анализа.

Теоретико-методологическая основа диссертационного исследования

Теоретико-методологической основой исследования стали труды историков фольклористической науки: М.К. Азадовского, А.И. Алиевой, В.И. Ереминой, Т.Г. Ивановой, А.Л. Топоркова и др., – а также теоретиков в области сказковедения, эпосоведения, нарратологии: С.Б. Адоньевой, М.К. Азадовского, С.Н. Азбелева, И.Ф. Амроян, Л.А. Астафьевой, М.М. Бахтина, Р.М. Волкова, В.М. Гацака, В.Е. Гусева, В.М. Жирмунского, Б.П. Кербелите, Н.А. Криничной,

Е.М. Мелетинского, С.Ю. Неклюдова, Ю.А. Новикова, А.А. Панченко, В.Н. Перетца, В.Я. Проппа, Б.Н. Путилова, А.П. Скафтымова, М.И. Стеблина-Каменского, Ю.И. Смирнова, Б.Л. Рифтина, Н. Рошияну, В.И. Тюпы и др.

Научная новизна диссертационного исследования

Впервые концепции А.Н. Веселовского о мифе, сказке и эпосе представлены в свете не только его опубликованных работ как на русском, так и на иностранных языках, но и архивных материалов, что во многом расширяет возможности понимания научных идей и методологических открытий ученого, помогает глубже осознать его вклад в мировую науку.

Теоретическая значимость исследования

Как пишет И.О. Шайтанов: «Стиль мышления и письма у А.Н. Веселовского так и остался трудным для теоретического восприятия, ускользающим от быстрой реконструкции. <...> На десятки страниц наблюдений и исследований приходится порой один абзац итога, редкий термин, который необходимо удержать в памяти и соотнести с другим термином, отстоящим от него еще на десятки страниц»⁶. В настоящем диссертационном исследовании мы осуществили комплексное изучение статей, рецензий, заметок, записей на оттисках, черновиков, дневников А.Н. Веселовского, касающихся вопросов мифа, сказки и эпоса, и на этом основании внесли уточнения в понимание теоретических положений и методологии ученого.

Практическая значимость диссертационного исследования

Сделанные в диссертации наблюдения и выводы могут быть использованы при последующем изучении и издании трудов А.Н. Веселовского, а также послужить материалом для лекций, спецкурсов и семинаров для студентов и аспирантов гуманитарного профиля по истории русской фольклористики, российских академических школ и научному творчеству ученого.

Основные положения, выносимые на защиту

1. А.Н. Веселовский критиковал априорные теории о происхождении мифа, выдвинутые представителями «мифологической школы», но не отказывался от самой идеи мифопоэтического творчества. Интересуясь в первую очередь психологией мифологических процессов и их трансформацией в искусстве, он значительно углубил наблюдения своих предшественников о сходстве

⁶ Шайтанов И.О. Классическая поэтика неклассической эпохи // Александр Веселовский. Избранное: Историческая поэтика. М., 2006. С. 22.

мифического и поэтического творчества, внес уточнения в понятия «символизм», «синкретизм», «коллективный субъективизм раннего первобытного общества», «суггестивность» и др. Связав «мифологическое мышление» с естественным выражением собирательной психики, ответившей «первым вопросам познания», ученый утверждал, что простейшие поэтические формы носили гносеологический характер. Возникнув в первобытную эпоху, они составили архаический слой словесного искусства. Изучение «роли границ предания в процессе личного творчества» представлялось А.Н. Веселовскому главной задачей исторической поэтики. В своих работах он утверждал жизнеспособность мифа, демонстрировал его свойство приспосабливаться к «новообразованиям», изучал процессы и механизмы перехода мифа в литературу за счет «переживания старого, но в новых сочетаниях». Мифологическая концепция А.Н. Веселовского обогатила теорию мифа рядом положений: 1) природа мифа символична; 2) мифологическое восприятие действительности нашло отражение в поэтических приемах и формах фольклора и литературы; 3) и в формальном, и в содержательном отношении деятельность мифа переходит от бессознательного «коллективного творчества» к сознательному «личностному творчеству».

2. Благодаря обнаруженной нами в архиве А.Н. Веселовского его дипломной работе о символе волка в античной мифологии мы можем утверждать, что в молодые годы он придерживался культурно-исторического метода. На его основе ученый обнаружил множество культурно-исторических предпосылок, повлиявших на переходы в восприятии волка в античном мире от хтонического символа к символу плодородия.

3. Признав важность анимистических представлений и первобытных воззрений на природу для содержания и формы мифологической поэзии, А.Н. Веселовский акцентировал внимание на таком явлении как «психологический параллелизм». В нем он увидел не только мыслительную операцию, свойственную синкретическому типу сознания («мифологическому мышлению»), но и древнейший стилистический прием, способный к трансформации. На этой идее ученым была построена его теория мотива и

сюжета, в которой мотив – это простейшая образная формула, статичная в своей изначальной форме, а сюжет – формула динамичная, с нарастающими элементами, реагирующая на изменения в жизни общества. Организуя историческую поэтику одновременно как теорию и метод, А.Н. Веселовский создает уникальную синтетическую модель для анализа и объяснения генезиса и эволюции поэтических форм.

4. Отношения между «преданием» – устойчивыми формами поэзии, и «новообразованиями» в теории А.Н. Веселовского носят диалектический характер. «Прогресс в поэзии» он связывает с историей идей, которая в его понимании тесно сопряжена с психологией восприятия изменений в экономической, социальной и духовной жизни общества.

5. Осмысляя опыт составителей фольклорных сборников, А.Н. Веселовский предлагал новые методы к систематизации материала. Вопрос о необходимости составления «стилистических словарей», а также «словарей типических схем и положений» и «указателей сказочных мотивов» ученый впервые поднимает в 1872 г. в работе на немецком языке. Много раз после им были предприняты попытки «инвентаризировать» устойчивые поэтические формулы, мотивы, стилистические приемы, которые переходят от мифа к эпосу, сказке, легенде и роману и проследить их эволюционные изменения.

6. А.Н. Веселовский исследовал сказку как фольклорный жанр и как явление «мифологической поры». Хронологически происхождение сказки он относил к первобытной эпохе. Говоря о формальной стороне архаической сказки, ученый акцентировал внимание на том, что перед нами именно «схема сказки» с произвольным подбором мотивов. До осознанно оформленного сюжета она не «доросла», полагал А.Н. Веселовский, поскольку процесс ее символизации был завершен на стадии «мифологического мышления». Чем древнее сказка, тем проще ее схема, чем она новее, тем более осложняется смыслом. Те элементы сказки, которые являются ее «постоянными величинами», А.Н. Веселовский сближал с мифом, а «переменные величины» относил к стилистике сказки. Морфологический анализ, предложенный

ученым, должен был способствовать пониманию генезиса и эволюции сказочного жанра.

7. Обнаружив в сказке свойства символа, А.Н. Веселовский считал, что формально она не развивается, но сохраняется в культуре за счет обновления своего смыслового значения и «приурочиваний» к другим жанрам: эпическим песням, легендам, духовным стихам, новеллам и т. д.

8. Какими будут комбинация мотивов в сказке и качество ее стиля, по мнению А.Н. Веселовского, зависело от исполнительского таланта сказочника и состава его аудитории. Говоря о заимствованиях на примере сказок, ученый утверждал, что в репертуар сказочника входит лишь то, что понятно и интересно его аудитории, к чему есть предрасположение. Первые формулировки принципа «встречных течений» встречаются у А.Н. Веселовского в его работах 1860-х г., где он отмечал, что «влияние чужого элемента всегда обуславливается его внутренним согласием с уровнем той среды, на которую ему приходится действовать»⁷.

9. В 1880-х г. А.Н. Веселовский разработал метод структурного или «группового анализа» сказок, чтобы выявлять факты отсутствия или наличия заимствованных компонентов. Особенность научной концепции ученого заключалась в том, что он одновременно признавал и многообразие межэтнических взаимодействий, и собственную эволюцию сказки, которая функционирует как жанр в конкретном социо-культурном пространстве. Каждый акт исполнения сказки представлялся им как сложение нового текста, которое требует индивидуального анализа.

10. Сравнительно-исторические труды А.Н. Веселовского о былинах 1870–1890-х г., на наш взгляд, представляют собой его попытку каталогизации сюжетов. Инвариантное схематическое построение былин позволило ученому получить представление об их структуре, о роли сюжетообразующих и смыслообразующих мотивов. Обнаруживая параллели в разных национальных эпосах, А.Н. Веселовский экспериментировал с воссозданием прототипа былин.

⁷ *Веселовский А.Н. Отчеты о заграничной командировке (1862–1864) // А.Н. Веселовский. Избранное: На пути к исторической поэтике. М., 2010. С. 61.*

Он сделал принципиально новый шаг в сторону изучения сюжетно-мотивного состава былин, а также изучения типологии художественно-повествовательной системы русских былин как части общемирового фольклорного фонда. Циклы «Южнорусские былины», «Мелкие заметки к былинам» и др. имели открытую структуру для включения в них новых сравнительных исследований.

11. Представляя эволюцию эпоса от простых схем до эпических поэм, А.Н. Веселовский устанавливал, что на почве древней эпики личной инициативы исполнителя нет, но когда поэмы уже не спеваются, а сочиняются – «литературный материал заглушает остатки традиционного; меняется и метрическая форма, пока наконец стих уступает место прозе»⁸. Изучая, как традиционная форма наполняется новым смыслом и содержанием, отвечающим запросам общественного сознания, ученый открыл перед наукой перспективы процессуального анализа поэтики.

12. В разных работах А.Н. Веселовского разбросаны сформулированные им критерии эпоса, которые отвечали определенным стадиям развития общества. Мы представили, какой могла бы быть эта стратификация, извлекая характеристики разных видов эпоса из работ ученого. Преимущество такого подхода к изучению наследия А.Н. Веселовского заключается в том, что в итоге мы получаем обобщенное представление о процессах трансформации эпоса от его мифологического вида и до постэпических явлений.

13. Замыслы А.Н. Веселовского были столь обширны, что ему все время приходилось выходить за границы культурно-исторического и сравнительно-исторического методов. В его работах обнаруживаются предпосылки к таким методам, как историко-типологический, структурно-семантический, структурально-функциональный, семантико-стилистический, историко-контекстуальный, когнитивно-дискурсивный и др.

Апробация диссертационного исследования

Диссертация обсуждена и одобрена отделом фольклора ИМЛИ РАН им. А.М. Горького. Ее отдельные положения были изложены автором на научных

⁸ *Веселовский А.Н.* Синкретизм древнейшей поэзии и начала дифференциации поэтических родов (1899) / Три главы из исторической поэтики // А.Н. Веселовский. Избранное: Историческая поэтика / Автор вступительной статьи и комментариев, составитель тома И. О. Шайтанов. М., 2006. С. 239.

конференциях и симпозиумах, а также на конгрессах фольклористов разных лет. Материалы диссертационного исследования нашли свое отражение в пяти изданиях, подготовленных нами к печати трудов А.Н. Веселовского, а также в отдельных публикациях его архивных материалов и корреспонденции, снабженных обширными комментариями и научными статьями.

На тему диссертации опубликовано порядка 50-и статей, 15 из которых в журнальных изданиях, рецензируемых ВАК, 3 из них входят в систему Web of Science или Scopus.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности

Диссертация соответствует паспорту специальности 10.01.09 – Фольклористика.

Структура диссертационного исследования

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка (515 наименований) и приложения. Ее структура определяется общим замыслом и логикой исследования, подчинена последовательному решению поставленных задач и реализации цели исследования. Общий объем диссертации составляет 375 страниц.

Основное содержание работы

Во Введение обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, раскрывается научная новизна работы, определяются объект, предмет, материал исследования, цель и задачи работы, теоретико-методологические принципы, описана степень изученности темы, формулируются основные положения, выносимые на защиту, раскрывается теоретическая и практическая значимость работы, приводятся сведения об апробации полученных результатов.

Первая глава **«Представление А.Н. Веселовского о мифе в свете его теории генезиса поэтических форм»** состоит из шести параграфов. В первом параграфе дается список источников, который включает в себя опубликованные работы А.Н. Веселовского и те архивные материалы, где им затрагивается проблема мифа.

Во втором параграфе речь идет о становлении и развитии творческого метода А.Н. Веселовского. Выясняется его отношение к «мифологической школе», «теории заимствования» и «антропологической теории». Принято

считать, что в молодые годы А.Н. Веселовский испытал на себе сильное влияние Ф.И. Буслаева. В ходе исследования мы изучили биографию А.Н. Веселовского и круг его чтения и выяснили, что особое значение для него имели культурно-исторический метод, который развивал в России П.Н. Кудрявцев, и концепция материалистической эстетики Н.Г. Чернышевского. Культурно-историческое направление сложилось в России в середине XIX в. на почве западноевропейского позитивизма и наукоцентризма. Его методы и приемы были положены А.Н. Веселовским в основу его дипломной работы о символе волка в античной мифологии, обнаруженной нами в личном архиве ученого⁹. Ее анализ убеждает нас в том, что еще будучи студентом он выступал против крайностей мифологической теории и теории заимствований. Изучая культурно-исторические контексты, А.Н. Веселовский находил предпосылки, повлиявшие на смену в восприятии волка, которые отразились в переходах от хтонического символа к символу плодородия. Материалистически переосмысливая миф, ученый закреплял за символом мифологическое начало, за образом – поэтическое, а за мифологией – историческое.

В студенческие годы А.Н. Веселовский посещал «сборища вертепников» на квартире у будущего собирателя фольклора П.Н. Рыбникова, где «в духе атеизма и безначалия» читали и обсуждали труды социальных реформаторов и философов: Г.Т. Бокля, А.И. Герцена, П. Прудона, Э. Ренана, А. Сен-Симона, Л.А. Фейербаха, Ш. Фурье, Н.Г. Чернышевского, М. Штирнера и многих других. Близость А.Н. Веселовского к кругам демократически настроенной интеллигенции, по мнению В.М. Жирмунского, М.К. Азадовского, Р.П. Трофимовой и др., содействовала формированию его как историка и теоретика литературы, изучающего объективные предпосылки и закономерности генезиса и эволюции «поэтического сознания» и его форм близко к принципам исторического материализма.

После окончания университета А.Н. Веселовский один год преподавал теорию словесности в старших классах Третьего Московского кадетского корпуса, где командовал батальоном его отец, а потом принял место домашнего учителя сына князя М.А. Голицына – русского посла в Мадриде.

В своих путешествиях по Европе с семьей Голицыных А.Н. Веселовский совершенствовался в языках и много читал. В одной только его записной книжке, датированной 1860 г., список книг достигает 890 наименований. Под

⁹ РО ИРЛИ РАН: Ф. 45. Оп. 1. Ед. хр. 2. См. Приложение к диссертации.

впечатлением от трудов Г.Т. Бокля, Дж.С. Милля, Л.А. Фейербаха и др. он пишет сочинение под названием «Романтизм и реформа»¹⁰, где на первый план выдвигает тезис: «Общество рождает поэта, не поэт общество». А.Н. Веселовский утверждает, что «всякое произведение искусства носит на себе печать своего времени, своего общества», и если «движущей силой словесности» в эпические века является народ, то в период ее лирического и драматического развития – личность. Поэзию романтизма он называл «регрессивной», поскольку она обращена в прошлое, а поэзию протестантизма – реформаторской. В целом, судя по содержанию этой ранней работы А.Н. Веселовского, можно заключить, что к этому времени у него уже сложился взгляд на литературу как на систему, которой свойственен определенный порядок и законы развития. Изменения в ней, по его мнению, связаны со сменой социальных и культурных идеалов, которую, в свою очередь, определяет экономика. Изучение общественно-исторических процессов должно привести историка литературы к пониманию механизмов возникновения новых родовых и жанровых образований, типов героев, художественных методов и стилей.

В 1862 г. А.Н. Веселовский был откомандирован Министерством народного просвещения за границу для подготовки к магистерской диссертации. Оказавшись в Берлинском университете, он, по его словам, «был полон вождлений, но беден программой; в сущности, программы у меня не было никакой, да и дать было некому»¹¹. А.Н. Веселовский посещал занятия К. Мюлленгофа, Р. Гоше, Г.Ф. Вагана, Х. Штейнталя. Высоко оценив метод последнего приводить к единству миф, язык и искусство, А.Н. Веселовский не соглашался с ним в принципиальных вопросах происхождения поэтических форм как способа переживания действительности. Х. Штейнталь считал, что символ произошел из мифа, тогда как русский ученый был уверен, что мифическое мышление – это и есть бессознательная символизация бытия. Не сошлись ученые и в вопросе разделения мифа и мифологии. Х. Штейнталь смотрел на эту проблему с лингвистической точки зрения и утверждал, что миф воплощается через слово, а мифология – через поэзию. А.Н. Веселовский наделял миф гносеологической функцией, а за мифологией признавал

¹⁰ РО ИРЛИ РАН: Ф. 45. Оп. 2. Ед. хр. 6.

¹¹ *Веселовский А.Н.* Автобиография (1891) // А.Н. Веселовский. Избранное: На пути к исторической поэтике / Составитель тома, автор послесловия и комментариев И.О. Шайтанов. М., 2010. С. 31.

ритуально-обрядовую природу и историзм. Затрагивая тему о влиянии идей Х. Штейнталя на А.Н. Веселовского, В.М. Жирмунский справедливо отмечал, что из «народной психологии» А.Н. Веселовский почерпнул главным образом результаты изучения синкретизма как формы первобытного сознания, но «никогда не разделял методологических позиций немецкого философа – ни его психологизма, ни его общей идеалистической концепции исторического процесса»¹².

По мнению философа и культуролога Р.П. Трофимовой, «во второй половине XIX в. отечественная наука не могла еще ставить проблемы диалектического соединения комплексного философского подхода и конкретных методов исследования отдельных исторических явлений на таком уровне, который присущ современной науке»¹³, однако системный подход в изучении языка и художественного творчества уже развернул ее в сторону сопряжения анализа фактов с широким историческим пониманием процессов. И если в 1860-х годах А.Н. Веселовский еще не знал, как ему решить задачу построения программы всеобщей литературы, то в 1870 году он уверенно изложил ее во вступительной лекции к курсу истории всеобщей литературы «О методе и задачах истории литературы как науки».

На этом этапе научной карьеры ученого история литературы представляется ему как последовательное развитие, где каждая очередная эпоха, обогащаясь новыми знаниями и понятиями, вызывает постепенную смену устойчивых поэтических форм. Чтобы понять, как происходят переходы от «старого» к «новому», ученый предложил студентам представить, что они изучают какую-нибудь эпоху и должны обратить внимание и на ее крупные события, и на «житейскую мелочь». После сбора материала между этими фактами и литературными следует установить причинно-следственные связи и выяснить, на основании чего и при каких условиях возникали явления поэтического творчества. По этой причине метод А.Н. Веселовского называли социально-психологическим. Достигнув ряда частных выводов по отношению к разным группам фактов, их можно сравнить между собой. То, что в них встретится общего, родственного, даст нам повод для логических выводов об их законности, а то, что будет специфическим – позволит оценить особенности

¹² Жирмунский В.М. Историческая поэтика А.Н. Веселовского // Веселовский А.Н. Историческая поэтика. Редакция, вступительная статья и примечания В.М. Жирмунского. Л., 1940. С. 23.

¹³ Трофимова Р.П. История русской культурологии. М., 2020. С. 60.

исторического развития каждой национальной литературы в отдельности. Эту задачу, уточнял А.Н. Веселовский, можно облегчить, если подвергнуть анализу личностные характеристики главных представителей литературных эпох.

Выбор ученого в пользу собирания фактов не означал, что в своих исследованиях он ограничивался только сравнительным методом. «Признание прав и насущности разных методов изучения литературы, т.е. методологический плюрализм»¹⁴, – отличительная черта не только А.Н. Веселовского, замечают В.Е. Хализев и А.А. Холиков в работе «Русское академическое литературоведение начала XX века и традиция Александра Веселовского» (2013). Он был присущ методологии всей русской филологической науки второй половины XIX в. Поскольку замыслы А.Н. Веселовского были столь широки, что ему все время приходилось выходить за границы культурно-исторического и сравнительно-исторического методов, в его работах намечались новые методологические приемы и принципы, ставшие предпосылками будущих методов, таких как историко-типологический, системно-функциональный, структурно-семантический и другие.

Синтезируя достоинства культурно-исторического метода со сравнительно-историческим, А.Н. Веселовский изучал историю литературы отдельного народа в контексте мировой культуры. Чтобы раскрыть законы специфики словесного искусства и понять, как оно ведет себя в диахронии и синхронии, он предлагал учитывать и историю идей, и психологию поэтического общения, и функциональное взаимодействие традиционных форм с новым содержанием мысли. В работе «Актуальность А.Н. Веселовского: историческая поэтика как «русская компаративистика»» (2016) В.И. Тюпа справедливо отмечает, что уникальность теории ученого заключается в том, что им были учтены «событийно-личностная инновационность, историко-генетическая традиционность, процессуальная стадийность исторического поведения»¹⁵.

Сравнительно-исторический метод давал А.Н. Веселовскому хорошие результаты. Особенно он был эффективен, когда надо было объективно оценить материал, рассеянный по разным историческим эпохам, народностям, этносам,

¹⁴ Хализев В.Е., Холиков А.А. Русское академическое литературоведение начала XX века и традиция Александра Веселовского // Вестник Московского университета. Сер. Филология. 2013. № 5. С. 121.

¹⁵ Тюпа В.И. Актуальность А.Н. Веселовского: историческая поэтика как «русская компаративистика» // Наследие Александра Веселовского в мировом контексте. Исследования и материалы. Отв. ред. Т.В. Говенько. М.–СПб., 2016. С. 80.

обнаружить утраченные со временем мотивы или реконструировать целое. Между тем, в своих многочисленных статьях и заметках А.Н. Веселовский, похоже, намеренно избегал обобщений, обещая их «в конце долгой ученой деятельности»¹⁶. Ощущение того, что ему не хватает фактов или что «обобщения не полны, потому что добыты без соблюдения тех условий постепенности, о которых говорено выше»¹⁷, заставляло А.Н. Веселовского постоянно возвращаться к старым темам и дополнять их новыми источниками (отсюда столько вкладок и записок в оттисках его статей). Широкий кругозор А.Н. Веселовского, его энциклопедические знания позволяли ему ставить вопросы, выдвигать гипотезы и изучать факты через призму множественных аспектов и взаимодействий, но незавершенность дела его жизни была предопределена научной методологией. Ожидать от сравнительного метода качественного скачка нельзя, хотя с точки зрения структурного анализа, каталогизации компонентов поэтической системы, глубокого прохода к поэтике первичных форм, наблюдения процессов в диахронии и синхронии – стратегия А.Н. Веселовского, судя по всему, была верной.

В параграфе «От слова к поэзии» мы изучаем философский взгляд А.Н. Веселовского на диалектику устойчивых традиционных начал (старых форм) и новаторства (нового содержания, а затем и новых форм). Эта проблема ставится им постоянно и постепенно разрабатывается от ранних работ к более поздним.

Критикуя априорные теории о происхождении мифа, выдвинутые представителями «мифологической школы», А.Н. Веселовский в то же время не отказывался от самой идеи мифопоэтического творчества. Он считал, что происхождение поэзии должно быть изучено как психический акт. Приняв точку зрения, что индивидуальная психика первобытного человека растворена в коллективной, ученый в не изданной им рецензии на сборник чешских песен «Prostonárodní české písně a říkadla» («Простонародные чешские песни и пословицы») (1864), собранных и изданных К.Я. Эрбеном¹⁸, выделяет отличительные признаки «мифологического» способа познания мира: опыт человека базируется на *созерцании* объекта окружающего мира; его психика

¹⁶ Веселовский А.Н. О методе и задаче истории литературы (1870). С. 15.

¹⁷ Там же, с. 14.

¹⁸ При жизни ученого эта рецензия не была напечатана. В XX в. ее обнаружил и частично опубликовал К.И. Ровда. Оригинал хранится в Рукописном отделе ИРЛИ РАН: Ф. 45. Оп. 2. Ед. хр. 47. 23 л. Публикация К.И. Ровды: [Веселовский (1864) 1979, с. 186–199].

устанавливает с природой «симпатическую связь»¹⁹; обращаясь «исключительно к *внешнему образу* предмета, принимая его за живое *целое*»²⁰, человек ощущает мир образно-синкретично; восприятие его ограничено чувственностью и эмоциональностью; оценка реальности складывается односторонне и базируется в основном на описательных признаках объектов; тип мышления наглядно-образный.

Руководствуясь идеей о «синтетическом впечатлении» коллективного разума, А.Н. Веселовский пишет: «Равность развития предполагает равенство впечатлений»²¹. Такое «равное» отношение к предметному миру является одним из необходимых условий создания языка-мифа. Это «результат психического акта, столь же естественного, как всякое другое отправление душевной деятельности»²². Язык как миф синкретичен, наглядно-чувственен и идеален. Ему чуждо научное познание, он нравственно безразличен. Его парадигматическая сущность лишена религиозности. Он не имеет привязок ни ко времени, ни к пространству. В нем нет разницы между частным и общим, частью и целым, внешним и внутренним.

В неопубликованной работе «Определение поэзии» А.Н. Веселовский пишет: «Поэтическая апперцепция – *образная*, в образах отвлекающая жизненную суть явления. Но того же характера и апперцепция мифическая: процесс, совершившийся в голове первобытного человека, создавшего мифы, существенно тождествен с тем, который совершается в голове современного поэта и всякого открытого поэтическим впечатлениям, хотя бы он и не творил самостоятельно»²³. Из этого утверждения ученого следует, что для него мифическая апперцепция и поэтическая апперцепция – суть одного и того же психического акта: *символического выражения целого*.

¹⁹ Ср. с Кассирерским «сочувственным» взглядом на окружающий мир.

²⁰ *Веселовский А.Н.* [Рецензия]: *Prostonárodní české písně a říkadla* (1864), собранные и изданные К.Я. Эрбеном / Предисловие, публикация, примечания К.И. Ровды // *Русский фольклор*. Л., 1979. Т. XIX. С. 195.

²¹ Там же.

²² *Веселовский А.Н.* *Определение поэзии* (1959) // *А.Н. Веселовский. Избранное: Историческая поэтика / Автор вступительной статьи и комментариев, составитель тома И. О. Шайтанов. М., 2006. С. 122.*

²³ Там же, с. 144.

Давая объяснение «мифическому представлению о действительности»²⁴, А.Н. Веселовский допускал самые разные сочетания со словом «миф». Это и «словесный миф», и «мифическое впечатление», «мифические воззрения», «мифологический процесс», «мифическая почва», «мифическая фантазия», «первобытный миф», «религиозный миф», «обрядовый миф», «исторический миф», «миф, который становится формулой», «мифическая легенда», «сказочный миф», «мифический рассказ» и т. д. Проникновение «народного мифа в позднейшую, сознательную словесность»²⁵, по его мнению, продолжается до сих пор. Миф, считал А.Н. Веселовский, никуда не исчезает, он остается как метод, для которого характерно выдвигать вперед одну какую-нибудь единичную черту предмета и «возводит ее в определение целого, в его жизненный символ»²⁶.

Раннему обособлению из обрядовой связи, подчеркивает А.Н. Веселовский в работе «Синкретизм древнейшей поэзии и начала дифференциации поэтических родов» (1899), чаще подлежали песни мифологического содержания. Они исходили из обряда в почти готовых эпических формах. Песни, близкие к событиям, волновавшим народное чувство, невольно приобретали лирический колорит. К примеру, «песни-плачи о славном витязе, народном герое, продолжали интересоваться и вне рокового события, вызвавшего их появление: их повествовательная часть делается традиционной»²⁷, когда к ней присоединяется устойчивость стиля, выработанная профессиональной привычкой поэта. Личность, лежащая в основе мифического содержания, начинает доминировать: «все старые и новые мифические впечатления начинают приравниваться к ней и, напротив, забываются те, которые ей противоречат или не развивают далее намеченный ею образ»²⁸. Чем больше человек погружается в самопознание и обособляется от природы, тем ценнее для него становятся его собственные ощущения. Эта «новейшая апперцепция»²⁹

²⁴ *Веселовский А.Н.* Заметки и сомнения о сравнительном изучении средневекового эпоса (1868) // Собрание сочинений Александра Николаевича Веселовского. Т. XVI. М.–Л., 1938. С. 50.

²⁵ Там же, с. 27.

²⁶ Там же.

²⁷ *Веселовский А.Н.* Синкретизм древнейшей поэзии и начала дифференциации поэтических родов (1899). С. 209.

²⁸ Там же, с. 136

²⁹ Там же, с. 125.

дала основание для выхода из обрядовой поэзии – поэзии художественной. И если певцы соревновались друг с другом в знании традиции, то поэт мог сознательно отказаться от предания, утратившего для него свою сакральную силу, начать раскладывать его в своем сознании на составляющие компоненты и вкладывать в каждый из них собственную рефлексию. «От этого получалось новое освещение: главный интерес не сосредотачивался, как в былое время, на событии, а *на участии*, которое принимало в нем то или другое лицо, на их мотивах и побуждениях, на их внутренней борьбе, одним словом, на всем том мире личности, который раскрыт был новым прогрессом истории»³⁰. В подтверждение этих слов А.Н. Веселовский сравнил творчество Эсхила и Еврипида, по-разному работавших с материей мифа во время культового празднования Диониса.

Обособление и импровизация представлялись А.Н. Веселовским важными условиями для самозарождения поэзии, «живущей своею *особой* жизнью и определяющей порой формы и роды художественной поэзии»³¹. Поскольку «видимый мир *постепенно* раскрывается для нашего сознания в сферах, казавшихся когда-то нежизненными, не вызывавшими сопоставлений, но теперь явившимися полными значениями, человечески *суггестивными*»³², поэзия таким образом постоянно обогащалась новым содержанием и накапливала художественно-культурные формы и приемы, «указывая *нормы* личному символизму и импрессионизму»³³. Фантазия, замечает ученый, любит параллелизмы, отсюда так много соответствия между идеями и образами.

В конце 1860-х г. А.Н. Веселовский пишет статью-рецензию под названием «Социальные идеалы и идеалы искусства»³⁴, которая не была им опубликована. В ней он осмысляет сложный культурный процесс перехода от языческих идеалов к христианским. Когда Церковь овладела обрядом, вводя его в свой обиход, в Средние века наступил страшный диссонанс: «рушится старое общество, прежние верования, падает Римская империя, обнимавшая собою чуть ли не весь доступный тогда человеку мир, и вместе с ней рушится та

³⁰ Там же.

³¹ Там же, с. 213.

³² Там же.

³³ *Веселовский А.Н.* Определение поэзии (1959). С. 73.

³⁴ РО ИРЛИ РАН: Ф. 45. Оп. 1. Ед. хр. 301. Рукопись подготовлена к печати Т.В. Говенько и впервые опубликована в журнале «Традиционная культура»: 2018. Т. 19. № 1. С. 13–30.

цельность общественных и религиозных идеалов, которую она символически представляла»³⁵, – пишет А.Н. Веселовский. То, что развивалось веками из мифа и обряда и было коллективно одобрено, в новой религии пошло другим путем – не от ощущений к символу, а от символа – к интерпретации «под влиянием преобладающего строя мыслей»³⁶, и это по-своему отразилось на искусстве.

Опираясь на историко-социологический и историко-психологический аспекты, А.Н. Веселовский утверждает, что на развитие жанров, сюжетных схем, образов и стиля влияют в первую очередь достижения общества в усложнении познавательных процессов и эстетических достижений. Сдвиги происходят постоянно, но чтобы произошло коллективное принятие нового, должна быть прочная связь настоящего с прошлым. В работе «Из истории развития личности. Женщина и старинные теории любви» (1872) А.Н. Веселовский пишет об этом так: «Средние века остановились на формуле *типа* и не добрались до *личности*»³⁷, потому что подвиги героев средневековых романов могли быть только однохарактерными, «как будто оттиски с одного и того же клише»³⁸, а порывы чувств вращаться «в избитой колее одних и тех же фраз»³⁹, эпически монотонных, формальных. Все это происходит от того, что «чувство новой формы еще не прояснилось и *не явилось сознанием* того нового принципа, который мог бы *творчески объединить* разрозненные элементы»⁴⁰. При феодализме «сословная нравственность, не выходящая за пределы касты, из которых каждая руководится своими особыми принципами, мало обязательными для всякой другой»⁴¹, не смогла выйти за рамки эпического уклада жизни по той же самой причине – отсутствия обще-социальных идеалов и интеллектуальных принципов. Трубадуры попытались идеализировать женщину за пределами семьи и обычая, но поскольку в своем большинстве

³⁵ Там же. С. 19.

³⁶ Ср.: «мифологический процесс пошел обратным путем: не из мифа создавался символ, а символ развивал миф» [Веселовский (1864) 1979, с. 192].

³⁷ *Веселовский А.Н. Из истории развития личности: женщина и старинная теория любви (1872) // А.Н. Веселовский. Избранное: На пути к исторической поэтике / Составитель тома, автор послесловия и комментариев И.О. Шайтанов. М., 2010. С. 237.*

³⁸ Там же. С. 239.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. С. 238.

⁴¹ Там же. С. 242.

общество «продолжает жить и думать по поэтической рутине»⁴², этими лирическими порывами вскоре овладела эпическая фраза и всеобщее однообразие.

Исследование А.Н. Веселовским «мифологического мышления» с психологической точки зрения позволило ему внести уточнения в понятия: «коллективный субъективизм» раннего первобытного общества, в котором формируются устойчивые поэтические формы, выразившиеся в элементах ритма и стиля, образности и схематизма; «символизм»; «синкретизм»; «суггестивность» и др.

Дальнейшее развитие поэтической истории представлялось ученому как процесс выделения личностного творческого начала из коллективного. «Миф, – пишет ученый, – есть поэтическое творчество массы, поэзия – мифическое творчество личности; одно следует за другим, и точкой отправления нового развития <...> является момент выделения личного сознания из массового»⁴³. Пользуясь воображением, поэт, считал А.Н. Веселовский, находит удовольствие «в радостном акте творчества (комбинация), которому отвечает акт восприятия (суггестивности) со стороны зрителя и слушателя»⁴⁴, и эту возможность взаимодействия как в мыслительном, так и в психическом плане ему и его аудитории обеспечивают слово и предание.

«Устойчивость» и «суггестивность» в восприятии, по А.Н. Веселовскому, определяют «нормы изящного» на том или ином этапе эволюции вкуса, моды, идеалов общества. «Обогащая новой интенсивностью знакомые слова и образы, увлекающая нас на время в такое же единение с собой, в каком жил безличный поэт бессознательно-поэтической эпохи»⁴⁵, эпохи «коллективного сознания», поэт современности удовлетворяет вкусовые потребности лишь некой социальной группы. И поскольку требования суггестивности теперь стали более личные и разнообразные – национальные поэты появляются все реже и реже.

В параграфе «Поэтический язык и способы его каталогизации» мы более детально изучаем представления А.Н. Веселовского о генезисе и эволюции

⁴² Там же. С. 257.

⁴³ *Веселовский А.Н.* Новая книга о мифологии. Воеводский «Введение в мифологию Одиссеи» // Вестник Европы. 1882. Т. 2. Апрель. С. 774.

⁴⁴ *Веселовский А.Н.* Определение поэзии (1959). С. 150.

⁴⁵ *Веселовский А.Н.* Из введения в историческую поэтику. Вопросы и ответы (1893) // А.Н. Веселовский. Избранное: Историческая поэтика / Автор вступительной статьи и комментариев, составитель тома И.О. Шайтанов. М., 2006. С. 74.

поэтического языка. Будучи убежденным в том, что жизнедеятельность человека побуждает его к культурной деятельности, а страсть к совершенствованию восприятия ведет к образованию новых форм искусства, А.Н. Веселовский хотел построить детерминированную взаимозависимую систему, которая заключала в себе «устойчивое» в поэтических явлениях, соответствующее определенным закономерностям человеческого познания. История поэтического стиля, представленная ученым в виде комплекса «типических образов-символов, мотивов, оборотов, параллелей и сравнений, повторяемость или и общность которых объясняется либо а) единством психологических процессов, нашедших в них выражение, либо б) историческими влияниями»⁴⁶, позволила ученому приблизиться к пониманию причин возникновения многообразных форм и явлений поэзии и создать оригинальную теорию исторической поэтики.

Стилистические новшества, убеждал А.Н. Веселовский, приурочиваются, «применяясь к кадрам, упроченным преданием». Чтобы понять, как, став «общим местом» фольклорного стиля, поэтические формулы «вторгались из бытовых и обрядовых переживаний, из чужой песни, народной или художественной, наносились литературными влияниями, новыми культурными течениями, определившими, вместе с содержанием мысли, и характер образности»⁴⁷, – нужно составлять словари. Они дают отвлеченный критерий для оценки явлений исторической эволюции поэзии и ее генезиса.

Выявив роль анимистических представлений и первобытных воззрений на природу, А.Н. Веселовский придавал важное значение такому явлению, как «психологический параллелизм». За ним он признал не только мыслительную операцию, способ познания, свойственный синкретическому типу сознания («мифологическому мышлению»), но и древнейший стилистический прием: «как люди мыслят – так они и сочиняют».

Опираясь на богатый фольклорный материал, ученый отобрал «простейшие формулы, повторяющиеся в разных применениях на протяжении веков»⁴⁸: эпитеты, психологический параллелизм, формулу повторения и другие

⁴⁶ *Веселовский А.Н. Поэтика сюжета (1913) // А.Н. Веселовский. Избранное: Историческая поэтика / Автор вступительной статьи и комментариев, составитель тома И. О. Шайтанов. М., 2006. С. 541.*

⁴⁷ *Веселовский А.Н. Язык поэзии и язык прозы (1899) / Три главы из исторической поэтики // А.Н. Веселовский. Избранное: Историческая поэтика / Автор вступительной статьи и комментариев, составитель тома И.О. Шайтанов. М., 2006. С. 390.*

⁴⁸ *Веселовский А.Н. Определение поэзии (1959). С. 146.*

поэтические формулы, – охарактеризовал их как приемы поэтического стиля, на которых отразились народно-эстетические воззрения, и описал с точки зрения исторических процессов.

Е.М. Мелетинский отмечал, что дифференциация и систематизация, предпринятая А.Н. Веселовским по отношению к поэтическому стилю, привела его в итоге к пониманию типического. Изучение истории поэтического стиля становится важным разделом исторической поэтики. Выдвигая перед исследователями задачу создания каталогов и указателей поэтических формул, мотивов и сюжетов А.Н. Веселовский, подчеркивал Е.М. Мелетинский, «предвосхищает одну из ведущих тенденций культурологии и теории литературы XX в.»⁴⁹ и, добавим, XXI в.

Если вести статистику формул поэтического стиля, считал А.Н. Веселовский, наука способна получить следующие замеры:

- формулы, которые могут быть отнесены к простым и широко распространенным;
- формулы, которые произошли из одинаковых психических процессов;
- формулы, принадлежащие к местным традициям;
- формулы авторского изобретения;
- формулы, относящиеся к языческой поре, к христианской и т. д.

Благодаря таким срезам можно легко установить причины «метаморфоз»⁵⁰ и «перелицовок символов»⁵¹ как по вертикали, так и по горизонтали. Как отмечал А.Е. Махов, открытие А.Н. Веселовским понятия «формулы» позволило ему объяснять аналогичные процессы в менее изученных поэтических системах за счет более изученных систем.

К более сложным по структуре и содержанию поэтическим формулам А.Н. Веселовский отнес «формулу-сюжет». Эта тема начала волновать его еще в 1880-х годах. До разработки поэтического сюжета «народно-песельная форма», по мнению ученого, доросла постепенно, становясь «синтаксически-сплоченной» за счет личностной осознанности и инициативы автора выходить «из границ традиционного материала *параллелей* к новым сближениям, к

⁴⁹ Мелетинский Е.М. «Историческая поэтика» А.Н. Веселовского и проблема происхождения повествовательной литературы // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. М., 1986. С. 40.

⁵⁰ Веселовский А.Н. Язык поэзии и язык прозы (1899). С 395.

⁵¹ Там же. С. 404.

новому пониманию образов и виртуальности описаний»⁵², открывая доступ новым смыслам и чувствам, по-новому комбинируя старое. На этом этапе «певец уже свободен выбором, но еще связан его материалом»⁵³, – подчеркивал ученый.

О том, что сюжет был важнейшей научной проблемой, которой занимался А.Н. Веселовский, свидетельствует обширный, но так и не завершенный им труд «Поэтика сюжетов». В этой работе он продолжает настаивать, что сюжет «как формула лирического стиля, построенная на параллелизме, может *приращаться*, развивая тот или другой из своих членов. Но схематизм сюжета уже наполовину *сознательный*, например, выбор и распорядок задач и встреч не обусловлен необходимо темой, данной содержанием мотива, и предполагает уже известную свободу»⁵⁴.

Под мотивом А.Н. Веселовский понимает простейшую образную формулу, которая отвечала на первых порах общественности на вопросы, «которые природа всюду ставила человеку, либо закреплявшую особенно яркие, казавшиеся важными или повторявшиеся впечатления действительности»⁵⁵. Формальный признак мотива – одночленный схематизм. Мотивы, считает А.Н. Веселовский, самозарождаются и их однородность объясняется одинаковыми бытовыми условиями и отложившимися в них психическими процессами. Формула мотива не претендует на оценочность и анализ, она лишь отвечает теме и описывает действие. По мере усложнения психики человека мотивы начинают схематизироваться. Схема – это еще не сюжет, а промежуточная, переходная стадия. Схематизация свойственна сказке, «она, – пишет А.Н. Веселовский, – является для нас лучшим образцом такого рода бытового творчества»⁵⁶. Такие же типы и схемы «служили и для творчества

⁵² *Веселовский А.Н.* Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля (1898) // А.Н. Веселовский. Избранное: Историческая поэтика / Автор вступительной статьи и комментариев, составитель тома И.О. Шайтанов. М., 2006. С. 486.

⁵³ *Веселовский А.Н.* Труды этнографически-статистической экспедиции в Западно-русский край, снаряженной Императорским Русским Географическим Обществом, юго-западный отдел. Материалы и исследования, собранные д. чл. П. П. Чубинским, 7 томов // А.Н. Веселовский. Избранное: Эпические и обрядовые традиции / Составл. тома, прим., археографическая работа, предисл. Т.В. Говенько. М., 2013. С. 582.

⁵⁴ *Веселовский А.Н.* Поэтика сюжета (1913). С. 538.

⁵⁵ Там же

⁵⁶ Там же. С. 539.

мифологического»⁵⁷. Сказочная схема, не испытав на себе участия личного творчества, могла остаться «неприуроченной» к дальнейшему внутреннему развитию сюжета, «окаменеть» в границах «бессознательного комбинирования старых схем и простейших сюжетов»⁵⁸.

В концепции А.Н. Веселовского о мотиве–схеме–сюжете, на наш взгляд, заметно влияние учения Г.В.Ф. Гегеля о диалектическом развитии символического искусства, стремящегося к обновлению старых форм через достижение полноты познания своего идеала. Сюжет «поднимается» над схематизмом, схематизм – над инвариантностью мотива, и каждый раз это представлено А.Н. Веселовским таким образом, что происходит качественно новое интеллектуальное образование, которое преодолевает привычку, в которой творила фантазия до этого, и человечество выходит на новые уровни словесного искусства. Сюжеты, которые не служили для выражения народившихся духовных интересов, выходили из литературного оборота, но с возрождением темы – их формула могла вновь стать интересной и вернуться в обиход с обновленным содержанием.

Концепция мифа А.Н. Веселовского отвечала основным принципам и задачам исторической поэтики: изучить основы культуры и словесного искусства, сложившиеся на первоначальных этапах появления языка и проследить их эволюцию в тесной связи с историей идей. Представляя «мифологическое мышление» и поэтический язык фольклорных текстов как единую систему, А.Н. Веселовский подчеркивает: «Поэтический язык находится в неразрывной связи с языком первобытного человека, мирозерцание которого сводилось к тому, что ныне зовется анимизмом»⁵⁹. В этом процессе «одушевляемости» ученый видит зарождающийся механизм превращения объектов действительности в художественный образ, способный к действию. Утратив со временем веру в тождество природы, человек между тем сохранил за собой способность к «поэтической галлюцинации»⁶⁰.

Вторая глава **«Концепция сказки А.Н. Веселовского в свете его теории эволюции поэтических форм»** состоит из девяти параграфов. В первом

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ *Кудряшов М.* Программа курса «Теория поэтических родов в их историческом развитии» (1884–1885). СПб., 1884–1885. С. 12.

⁶⁰ Там же.

параграфе мы перечисляем источники, во втором параграфе описываем теорию А.Н. Веселовского о мотиве и сюжете применительно к фольклорной сказке.

В работе «Поэтика сюжета» А.Н. Веселовский пишет: «Под мотивом я разумею *формулу*»⁶¹. В этой связи ученый чаще всего говорит именно о сказочном мотиве, так как он представляется ему той окаменелостью, тем «детритом», который сложился еще в мифологический период и может быть подвергнут тщательному анализу. В качестве примера ученый приводит архаические сказки или сказки дикарей. В них, судя по всему, он находит те стиль и ритмику, образность и схематизм, которые наиболее полно отвечают его представлению о «мифологическом мышлении», «синкретической психике», «бессознательном творчестве», «недифференцированном человеческом сознании», поэзии «на первых порах человеческого общежития»⁶². Опираясь на знания этнологии, антропологии, лингвистики, А.Н. Веселовский соотносит принцип моделирования мотива, а значит и архаической сказки, с приемом «психологического параллелизма». Допустив равенство между формулой мотива и формулой архаической сказки, ученый получает надежные критерии для изучения ее парадигматических и синтагматических связей.

Говоря о мотиве как о «простейшей повествовательной единице», для которой характерна одномерность восприятия и поэтического выражения, соответствующая «одномерной психике» его носителя, А.Н. Веселовский назвал главным признаком мотива его «образный одночленный схематизм» с конкретно выраженной темой: «увоз жены», «девушка–безручка», «два брата», «помощные животные» и т. д. Свое образное единство, инвариантность, мотив, как утверждал ученый, сохраняет и когда переходит из одного сюжетного построения в другое. Разложимость мотива на компоненты для исторической поэтики не имеет принципиального значения, потому что в пределах жанровой системы сказки он демонстрирует единство и устойчивость формы относительно ее содержания. При этом А.Н. Веселовский не отрицал возможности атомизации мотива.

Формула мотива, и, соответственно, сказки, возникшей в результате бессознательно-символического творчества, выражается им абстрактной комбинацией $a+b$. «Каждая часть формулы, – отмечает ученый, – способна

⁶¹ Веселовский А.Н. Поэтика сюжета (1913). С. 538.

⁶² Там же. С. 537.

видоизмениться, особенно подлежит приращению *b*»⁶³. Он больше заряжен творческой энергией и точно так же, как и формула психологического параллелизма, может прирастать, изменяться, варьироваться и т. д. Выбор и распорядок задач и встреч обусловлен темой архаической сказки. Например, «старуха не любит красавицу – она задает ей опасную для жизни задачу». Этим задач может быть две, три и более.

Мотив/формула архаической сказки, согласно логике ученого, отвечала «на первых порах общественности *на вопросы*, которые природа всюду ставила человеку»⁶⁴. Она «образно» реагировала на разные запросы первобытного ума или бытового наблюдения и в таком виде «откладывалась» в коллективной памяти, закрепляла за собой особенно яркие, казавшиеся важными, или постоянно повторявшиеся впечатления действительности. На этом основании формировались и развивались свойства «эмбриональной эстетики»⁶⁵.

Когда условия жизни и быта отдалили человека от природы, его сознание стало формироваться под влиянием социального бытия родо-племенной общины. Отзываясь на темы семьи, рода, генеалогии, содержание сказки разворачивалось в коллизиях семейной драмы. Антагонистами выступали ближайшие родственники: брат по отношению к брату, сестра – к сестре, отец – к дочери, мачеха – к падчерице, мать – к дочери, свекровь – к снохе и т. д. Вымысел сказки сместился в сторону бытового нарратива. События, заимствованные из реальной жизни, рассматривались «сквозь призму тех образов и схематических положений, в формах которых привыкла творить фантазия»⁶⁶, подчеркивает ученый.

Как и слово, считает А.Н. Веселовский, мотив/формула архаической сказки не претендует на оценочность и анализ, а лишь выделяет главный признак субъекта или его действия. Поэтому в условиях нового контекста сказка быстро утрачивала свой первоначальный смысл, «становилась, по отношению к этому содержанию, символом»⁶⁷. Ее типические схемы могли легко «оживиться новым настроением, стать символом, вызывать новообразования в том смысле,

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же, с. 538.

⁶⁵ *Веселовский А.Н.* Лорренские сказки (1887) // *Собрание сочинений Александра Николаевича Веселовского*. Т. XVI. М.–Л., 1938. С. 221.

⁶⁶ *Веселовский А.Н.* Поэтика сюжета (1913). С. 539.

⁶⁷ Там же. С. 537

в каком выше говорено было о новообразованиях в стиле»⁶⁸. По этой причине, предупреждает ученый, исследователям приходится по-разному комментировать по сути один и тот же мотив, ставший «вечным символом», «общим местом», «типичным образом».

Формула архаической сказки в понимании А.Н. Веселовского наделена:

- простейшей повествовательной формой;
- свойствами символа;
- способностью образно представлять как внешний, так и внутренний мир человека;
- самозарождением.

«Узнаваемость», или «суггестивность», мотива сказки стали для А.Н. Веселовского свидетельством его глубочайшей традиционности. Но речь в данном случае шла не о генеалогии. Ученым оценивалось, насколько прочно формула архаической сказки может удерживаться в памяти и устанавливать новые связи с другими мотивами и формулами. По мере расширения кругозора человека, усложнения его психологии, духовного и интеллектуального роста, «в черте известных мотивов, в границах определенных формальных сочетаний, жизненное содержание, гуманное содержание мысли становится глубже, типы человечнее, интересы шире»⁶⁹. Этим он объясняет «прогресс в поэзии».

Формула архаической сказки, утратившая связь со своим первоначальным смыслом, по мнению А.Н. Веселовского, ведет себя как слово, которое в таком случае обзаводится пояснительным эпитетом – и вот благодаря фантазии «мы уже стоим на почве эпического рассказа, <...> яркой эпической кантилены, этой ячейки, из которой разовьется впоследствии эпопея»⁷⁰, а позже и роман. В силу своей пластичности, архаическая сказка может трансформироваться не только в сторону приумножения задач и встреч, как это было на стадии синкретического развития, но и образования новых связей, ассоциаций, генераций, за счет коллизий и интриг.

Говоря о сказке, А.Н. Веселовский отмечает, что отдельные звенья ее «схемы» могли получить самостоятельное развитие и при участии личности «дораста» до логического сюжета, например, античного романа, рыцарского романа, средневековой новеллы, романтической литературной сказки и т. д. В

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ *Веселовский А.Н.* Определение поэзии (1959). с. 142.

⁷⁰ Там же, с. 138

отличие от «схемы», сюжет – это *осознанный* акт воли, «создание, находящее «удовольствие» в самом себе, в радостном акте творчества (комбинации), которому отвечает акт восприятия (суггестивности) со стороны зрителя или слушателя, и производящее впечатление красоты, которое переносится далее и на понятие природы»⁷¹. Схематизму архаической сказки как «бессознательному» комбинированию мотивов, ученый противопоставляет схематизм классической сказки, в которой «выбор и распорядок задач и встреч не обусловлен необходимой темой, данной содержанием мотива, и предполагает уже известную свободу»⁷². «Было бы интересно сделать морфологию сказки, – говорит А.Н. Веселовский студентам, – и проследить ее развитие от простейших сказочных моментов до их наиболее сложной комбинации. Тогда бы мы узнали, что чем древнее сказка, тем проще ее схема и чем новее, тем более она осложняется. Так наша русская сказка уже комбинационная, и те, которые говорят о ее древности, основываются на ложной посылке, еще не разработанной»⁷³.

Теория мотива и сюжета помогла А.Н. Веселовскому глубже понять процессы происхождения и развития сказки от отдельных первичных образных единиц до сказочных схем. Ученый считал, что сказка пользуется «определенным кругом постоянных оборотов»⁷⁴, формул и мотивов и изучение их функциональных связей может принести значительную пользу для сюжетологии. Эта идея впоследствии получила развитие у В.Я. Проппа в «Морфологии сказки» (1928), положившей начало структурной фольклористике, а также в исследовательской деятельности Е.М. Мелетинского, совместившего структурно-семиотический и историко-типологический методы в изучении архаических основ словесного искусства.

В параграфе о рецепциях теории мотива и сюжета А.Н. Веселовского мы разбираем точки зрения других ученых, с тем чтобы получить еще более полное представление о теории мотива и сюжета применительно к сказке. На наш взгляд, ближе всех к тому пониманию мотива, какое в него вкладывал сам А.Н.

⁷¹ *Веселовский А.Н.* Определение поэзии (1959). С. 150.

⁷² *Веселовский А.Н.* Поэтика сюжета (1913). С. 538.

⁷³ *Веселовский А.Н.* Из лекций по истории эпоса (1884) // А.Н. Веселовский. Историческая поэтика. М.–Л., 1940. С. 455.

⁷⁴ *Веселовский А.Н.* Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля (1898). С. 464.

Веселовский, описывая подвижность мотивных связей в структуре сюжета, учитывая роль смысловых ассоциаций, которые могут быть далеко не равноценными с точки зрения воспринимающего (слушателя или читателя), изучая процессы генерирования новых идей и т. д., подошел Е.М. Мелетинский. В работе «Семантическая организация мифологического повествования и проблема создания семиотических указателей мотивов и сюжетов» (1983) он писал: «Структура мотива может быть уподоблена структуре предложения (суждения). Мы предлагаем рассматривать мотив как одноактный микросюжет, основой которого является действие. Действие в мотиве является предикатом, от которого зависят аргументы-актанты (агенс, пациенс и т. д.)»⁷⁵.

Много общего в том, какой виделась А.Н. Веселовскому формула мотива, мы находим и у Б.П. Кербелите. Разрабатывая концепцию словаря структурно-семантических элементов литовских сказок⁷⁶, в качестве простейшей единицы нарративного анализа исследовательница берет так называемый *элементарный сюжет* (ЭС). В его состав она включает: начальную ситуацию, одно или несколько действий персонажа, конечный результат.

В параграфе «Морфологический анализ как метод исследования сказки» мы продолжаем изучать взгляд А.Н. Веселовского на сюжетостроение сказки. В этой области ученый обнаруживает два вида проблем. *Стадиальные*: когда схематизация далеко не каждой сказки могла дорасти до поэтического сюжета в виде «осознанного» выбора задач и встреч «с оценкой событий и действий», с хронологией и историческим «приурочением». И *структуральные*: когда сказки, «переселяясь» из одной среды в другую, чтобы пристроиться к новому окружению, «применяясь к его нравам и обычаям»⁷⁷, могли менять состав персонажей, обнаруживать контаминации, допускать перестройку мотивов внутри сказки и т. д. По мнению ученого, это вполне законно, потому что структура сказки – это всего лишь «комбинация мотивов». «Перехода от естественной схематизации мотивов к схематизации сюжетов»⁷⁸ на почве сказки произойти в полной мере не могло, отмечал А.Н. Веселовский, в силу того, что

⁷⁵ Мелетинский Е.М. Семантическая организация мифологического повествования и проблема создания семиотического указателя мотивов и сюжетов // Текст и культура. Труды по знаковым системам. Вып. 16. Тарту, 1983. С. 117.

⁷⁶ Кербелите Б. Историческое развитие структур и семантики сказок (на материале литовских волшебных сказок). Вильнюс, 1991. – 384с.

⁷⁷ Веселовский А.Н. Поэтика сюжета (1913). С. 540.

⁷⁸ Там же.

сказка – это «проекция мифа», и, когда она получает «изолирующую печать символизма», то начинает «приурочиваться».

Изучить архитектуру сказки, «выяснить сцепления отдельных моментов внутри самой сказки, логику ее связи, короче говоря, морфологию сказки»⁷⁹ – представлялось А.Н. Веселовскому одной из важнейших в методологическом аспекте задачей сюжетостроения. Преимущество морфологического анализа, по его мнению, заключается в том, что он позволяет получить конкретные результаты для выяснения как стадиальных, так и структуральных свойств сказки:

- выявить качественные и количественные изменения в сказочном тексте;
- обнаружить окказиональные мотивы, которые «пристроились» к типовой модели с «определенными формулами, устойчивыми мотивами»⁸⁰;
- изучить типологические и исторические трансформации основных образов;
- установить причины приращений новых мотивов;
- изучить технику «повторений и захватов из одной темы в другую»⁸¹;
- выяснить, как и в какие взаимодействия вступает традиция с современностью;
- определить, как изменения в семантической структуре мотива влияют на сюжетную организацию сказки в целом;
- сравнить, чем отличаются друг от друга «местные» версии сказки и т. д.

Чтобы получить ясное представление о функциональном значении каждого отдельного мотива в повествовательной структуре сказки, А.Н. Веселовский рекомендовал сказковедам переключиться с изучения «сказочной особи»⁸² на анализ «группы сказок». Он считал, что «ни одна сказка не покрывает доцела другую»⁸³. Какой из типов сюжета будет реализован, зависит от выбора коллизии и линии поведения главного героя. В каждой отдельно взятой сказке воплощена та модель конструирования сказочного сюжета, которая сложилась в

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ *Веселовский А.Н.* О методе и задаче истории литературы (1870). С. 19.

⁸¹ *Веселовский А.Н.* Новые книги по народной словесности (1886) // *Веселовский А.Н. Избранное: Критические статьи и заметки / Отв. ред., составитель, автор прим. и комм. Т.В. Говенько. М.; СПб., 2016. С. 217.*

⁸² *Веселовский А.Н.* Rumänische Märchen, übersetzt von Mite Kremnitz (1883) // *Собрание сочинений Александра Николаевича Веселовского. Т. XVI. М.–Л., 1938. С. 196.*

⁸³ Там же.

границах национальной или местной традиции. С помощью группового анализа сказок ученый наглядно показал, что происходит, когда в схему вводят или из нее изымают сюжетообразующие мотивы, которые несут на себе сугубо формальные функции сцепления элементов инициального, кульминационного или финального ряда, и когда в нее вводят или из нее изымают мотивы, которые отвечают за семантическую целостность сюжета.

В параграфе «Способы каталогизации сказки» мы приводим примеры составленных А.Н. Веселовским «словарных перечней мотивов». С их помощью, а также указателей «типологических цепочек» исследователи, по мнению ученого, смогут решать следующие задачи:

- изучать сказку с точки зрения ее истории, генезиса и эволюции;
- анализировать сказочную семантику и морфологию;
- выявлять особенности бытования сказочной схемы в той или иной этнической традиции;
- наблюдать за функционированием сказочных мотивов в диахронии и синхронии;
- устанавливать за мотивом постоянные и переменные признаки и свойства;
- находить причины особенностей сюжетостроения сказки и т. д.

В параграфе «Семантика сказки» мы разбираем, как А.Н. Веселовским была осмыслена образно-повествовательная символическая модель сказки с присущей ей «двойственной природой» кодирования информации, где *наследуемый* компонент отвечает исторически сложившемуся культурно-социальному опыту народа, а *актуальный* является «печатью своего времени», фактом развития человеческой мысли, отражением изменений социально-коммуникативных норм, ответом на запросы общества. По логике ученого, раз архаическая сказка «есть отложение древнего доисторического мифа»⁸⁴, «обескровленный миф»⁸⁵, то за ней сохранились и присущие мифу свойства: иррациональное объяснение действий, неопределенное отношение ко времени и пространству, одностороннее развитие героя, отсутствие анализа, однотипная сюжетная схема повествования, конкретно-образное восприятие действительности и т. д.

⁸⁴ Веселовский А.Н. Заметки и сомнения о сравнительном изучении средневекового эпоса (1868). С. 50.

⁸⁵ Веселовский А.Н. Поэтика сюжета (1913). С. 539.

Время происхождения сказки для А.Н. Веселовского хронологически совпадает с периодом, когда формируется язык и в нем появляются эпитеты и синонимия. Сказка, пишет ученый, – это «мир *образных обобщений*, бытовых и мифологических»⁸⁶. Символическая природа сказки делает ее «проницаемой» для внешней среды: для культурно-социального контекста, актуальных смыслов, идей, религиозных мотивов и т. д. Обратив внимание на функциональную подвижность сказки, ее гибкость к разным обстоятельствам, А.Н. Веселовский высказывает гипотезу, что в ходе исторического развития лишь некоторые ее мотивы и формулы сохранили свой «исконный символический смысл»⁸⁷.

Сказка активно обогащается «всем, что выработала мысль в смысле жизненных выводов и теоретических обобщений»⁸⁸. На примере сюжета о невинно гонимой девушке-безручке⁸⁹ А.Н. Веселовский в работе 1866 г. на итальянском языке «*Novella della figlia del re di Dacia*» («Новелла о дочери царя Дакии») продемонстрировал, как он представлял себе историю его развития от мифа до народной сказки и далее до новеллы и площадной песни. Опираясь на культурно-исторический, сравнительный и историко-психологический методы ученый обнаружил универсально-типологические особенности сказки о безручке в культуре разных народов и показал, как в качестве поэтической формулы она стала «*применяться*» по аналогии, по ассоциации, «*примыкать*» к различным тематическим религиозным мифам, к исторической саге, «*подлаживаться*» под разные контекстуальные требования.

В рецензии на сборники итальянских сказок «Заметки и сомнения о сравнительном изучении средневекового эпоса» (1868) А.Н. Веселовский размышляет о влиянии на фольклорную сказку современности. В частности, он отмечает, что фольклорная сказка, живущая в «консервативной тени феодального замка»⁹⁰, представляет собой традиционное досуговое занятие. Следы «упадка сказочного стиля» особенно заметны там, где на сказку

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ *Веселовский А.Н.* Сравнительная мифология и ее метод (1873) // *Собрание сочинений Александра Николаевича Веселовского*. Т. XVI. М.–Л., 1938. С.117.

⁸⁸ *Веселовский А.Н.* Определение поэзии (1959). С. 119.

⁸⁹ Речь идет о сюжетном типе СУС 706 («Безручка»).

⁹⁰ *Веселовский А.Н.* Заметки и сомнения о сравнительном изучении средневекового эпоса (1868). С. 18.

оказывают свое воздействие литературные источники, например, новеллы и народные книги. Письменная культура при соприкосновении с устным народным творчеством запускала процессы, из-за которых традиция начинала подвергаться существенным изменениям. Так, например, когда рассказчики заимствовали из литературы сюжеты и персонажей и вводили их в сказочный оборот, это значительно деформировало ее функционально-смысловые связи.

Рано или поздно фольклорную сказку постигнет та же участь, что «не миновала ни одно произведение народного слова, осужденное переходить из уст в уста и искажаться»⁹¹, – замечает А.Н. Веселовский, и все же она до сих пор является одной из древнейших поэтических форм, в которой сохранились следы первоначальных мировоззренческих систем. Формулы и модели сказки еще долго будут оставаться востребованными в творчестве, так как они отвечают первичным запросам психики: восприятию, ощущениям, чувствам, эмоциям, апперцепции и т. д. И поскольку сказка создавалась в эпоху «нравственного безразличия», то она может быть истолкована самыми разными способами.

В параграфе «Сказка и теория заимствования» пристальное внимание уделяется компаративистским интересам А.Н. Веселовского. Заимствование, по его мнению, может быть как внутренним, так и внешним. «Наследство, – пишет ученый в «Отчетах о заграничной командировке», – то же заимствование, особенно из таких далеких рук, как наши праотцы на Иранской возвышенности»⁹². Что касается заимствования извне, то в нем ученый признавал один из источников обновления как общественной, так и художественной системы, видел в нем движущую силу искусства.

С помощью компаративистских приемов ученый предлагал решать следующие задачи:

- выяснять источники происхождения сравниваемых мифов и сказок;
- разбираться в вопросах структуры и семантики фольклорных текстов с учетом специфики их трансформации во времени;
- устанавливать, какое влияние оказывает ситуативный контекст на формирование фольклорного текста как разновидности декламационного вида искусства;
- выяснять, чем обеспечено длительное функционирование поэтических и традиционных приемов в той или иной местной фольклорной модели;

⁹¹ *Веселовский А.Н.* Сравнительная мифология и ее метод (1873). С. 117.

⁹² *Веселовский А.Н.* Отчеты о заграничной командировке (1862–1864). С. 56.

– узнавать, что происходит с текстом на излете традиции и т. д.

Если мы ставим перед собой задачу обнаружить первоисточник и маршрут странствования сказочного сюжета, пишет А.Н. Веселовский, то в первую очередь нам необходимо «дойти до той исторической почвы, на которой впервые совершилось *прикрепление мифа и определились самые свойства его исторического проявления и законы его будущего развития*»⁹³. Превратив сравнительно-исторический метод «в тончайшее орудие блестящих индуктивных построений, поражающих своей масштабностью и точностью, осторожностью обобщений»⁹⁴, А.Н. Веселовскому удалось избежать слабых мест «мифологов» и «бенфеистов» и в итоге составить весьма прагматичное представление о сказке.

Возводя поэтические формы к жизни первобытного общества, к их древней первооснове (анимизм, тотемизм, мифотворчество), А.Н. Веселовский осмысливает их дальнейшее развитие и утверждает, что «экономические условия вызывают известный исторический строй, вместе они обуславливают тот или другой род литературной деятельности, и нет возможности отделить одно от другого»⁹⁵. На фоне социального развития, как считает ученый, происходит ослабление веры в истинность мифических событий и мифических героев, их действия и поступки становятся более человеческими, личными, внимание сказки переключается на индивидуальные судьбы героев, а содержание ориентируется на поэтическую фикцию.

В 90-х г. А.Н. Веселовский формулирует теорию о мотиве и сюжете и прикладывает ее к компаративистике, к выяснению условий влияний, центров и путей странствования сюжетов. Устойчивым ядром сказки, ее постоянной величиной он называет мотив. Здесь же ученый ставит вопрос о сказочных схемах. По оценке А.Н. Веселовского, «а) схематическая сказка остается таковой в среде, где соответствующая форма сказа не дошла до схематизма; б) схематическая сказка усваивается в однородной или готовой к ее восприятию среде, оставляя следы неполного приурочения; с) условия усвоения:

⁹³ *Веселовский А.Н.* Заметки и сомнения о сравнительном изучении средневекового эпоса (1868). С. 18.

⁹⁴ *Горский И.К.* Сравнительно-историческое литературоведение // Академические школы в русском литературоведении / Отв. ред. П.А. Николаев. М., 1976. С. 229.

⁹⁵ *Веселовский А.Н.* Отчеты о заграничной командировке (1862–1864). С. 44.

психическая и культурная готовность усвояющей среды к восприятию влияний»⁹⁶.

Понятию «схема сказки» А.Н. Веселовский придает важное методологическое значение. Не все сказки, считает ученый, достигают сюжетной завершенности. Сказка, оставшаяся на уровне простейших схем, скорее всего, сложилась самостоятельно. Ее содержание свидетельствует о единстве психического процесса и мифологического творчества. Типологические сказки со сложной схемой демонстрируют факт заимствования.

Относясь к заимствованиям как к культурным контактам народов, А.Н. Веселовский выступает против произвольных сближений сказок и вносит в компаративистскую теорию следующие корректировки:

– «однородные» обстоятельства жизни и «однообразные» эпические приемы для их описания при выборе одной и той же темы могут быть изложены «одними и теми же средствами <...> и даже воспроизвести одинаковые подробности»⁹⁷, что исключает гипотезу заимствования и общего всем индоевропейского первоуредка;

– утверждать о заимствовании или о «теории родителей», вырывая похожие элементы из контекста, не методично: сначала необходимо доказать наличие условий для заимствования, потом – предпосылки, одинаковые мотивы-действия и лишь в последнюю очередь находить сходства представленных событий;

– «нечего ходить на Восток за доказательствами древности»⁹⁸ по каждому поводу и без;

– «все, что слишком резко вырывается из этого уровня, останется непонятым или поймется по-своему, уравнивается с окружающей средой»⁹⁹.

В содержании сказки, утверждает А.Н. Веселовский, отражаются больше, чем в других фольклорных жанрах, симпатии и вкусы ее исполнителей и носителей. Поэтому пришлые сказки быстро ассимилируют. Для поэзии они являются дополнительным источником энергии, несут в себе стимул для построения новых комбинационных схем. «Влияние действует более в ширину,

⁹⁶ *Веселовский А.Н.* Поэтика сюжета (1913). С. 655.

⁹⁷ *Веселовский А.Н.* Заметки и сомнения о сравнительном изучении средневекового эпоса (1868). С. 43.

⁹⁸ Там же, с. 47.

⁹⁹ *Веселовский А.Н.* Отчеты о заграничной командировке (1862–1864). С. 61.

чем в глубину, – подчеркивает ученый, – оно более дает материала, чем вносит новые идеи»¹⁰⁰.

В параграфе «Сказка и ее исполнители» А.Н. Веселовский отмечает, что сказочник всегда рассказывает по случаю, по конкретному поводу, и из-за этой восприимчивости к ситуациям сказке сложно удержать в себе «исконный символический смысл»¹⁰¹, поскольку для этого должны были сохраниться условия, в каких формировались ее архаические формы и содержание.

Помимо ситуации, на то, как будет рассказана сказка, влияет множество факторов: социокультурная среда, личность сказочника, его жизненный опыт, вкус, возраст, социальный статус. По мнению А.Н. Веселовского, «постоянными носителями»¹⁰² сказок балаганного типа (похабного содержания) были торговцы; сказки-легенды предпочитали мелкие помещики; волшебные сказки почти всегда были прерогативой женщин.

Если говорить о соотношении личного и традиционного в сказке, то в первую очередь это отражается на сказочном стиле. По наблюдениям ученого, рассказчик в ряде ситуаций мог специально вульгаризировать сказку скабрёзными шутками, чтобы «подействовать на вкусы своей публики. Оттуда <...> площадный шарж и нескромность выражений, и цинизм выходок, нередко идущие вразрез с характером и общественным положением действующих лиц, которым они вложены в уста или приписаны»¹⁰³.

Таким образом, А.Н. Веселовский ставит в прямую зависимость качество текста от индивидуальных особенностей исполнителя и состава его аудитории. Он призывает собирателей обязательно фиксировать социальное положение, мировоззрение, личностные качества сказочника, особенности его взаимодействия с аудиторией, реакции слушателей, обстоятельства исполнения текста, уровень исполнительского мастерства и т. д.

Интерес ученого вызывает и механизм преемственности. Конечно, А.Н. Веселовский не ставил перед собой цель изучить принципы формирования мастерства рассказчика – для этого у него просто-напросто еще не было достаточно материала. Но он сумел сделать важные наблюдения и изложить

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ *Веселовский А.Н.* Сравнительная мифология и ее метод (1873). С. 117.

¹⁰² *Веселовский А.Н.* Сказки Тысячи одной ночи в переводе Галлана (1890) // Собрание сочинений Александра Николаевича Веселовского. Т. XVI. М.–Л., 1938. С. 235.

¹⁰³ Там же.

свой взгляд на технику усвоения сказки, искусство ее запоминания, хранения, воспроизведения.

Сказочник, полагает ученый, уже при первом прослушивании усваивает композиционную конструкцию произведения и его логико-смысловое содержание. Он может даже сразу воспроизвести текст, хотя это совсем не значит, что произведение войдет в его репертуар. Последнее требует его принятия и сказочником, и аудиторией. Для этого исполнитель долго «отшлифовывает» сказку под себя: она должна «повторяться не однажды и всякий раз при новых условиях»¹⁰⁴.

«*Мифопоэтический процесс* не прекратился: повторение, усвоение сказки предполагает его точно так же, как и ее создание»¹⁰⁵, – утверждает А.Н. Веселовский. Он настаивает на том, что надо меньше охотиться за стариной, а больше наблюдать за современными «живыми явлениями», которые могут дать гораздо более прочную основу для понимания феноменологии сказки.

Общие выводы А.Н. Веселовского отвечают его концепции: сказка является продуктом «мифологического мышления», в нем она зародилась и окончательно оформилась. Этим объясняется устойчивость ее формальных элементов: «*одни и те же повествовательные схемы, провожающие нас на всем протяжении развития, от мифа до сказки или наоборот, и постоянно действующая сила фантазии, пластической или комбинирующей*»¹⁰⁶. Одним из первых А.Н. Веселовский приблизился к изучению сказки с точки зрения ее морфологии, семантики и прагматики, что подтверждает неоднократно высказываемые предположения (В.Е. Багно, М. Аумюллера, М.Б. Плюхановой, В.И. Тюпы и др.) о том, что он стоял у истоков нарратологии.

Третья глава «**Концепция эпоса А.Н. Веселовского в свете его теории о стадильном развитии поэтических форм**» включает в себя шесть параграфов. В первом параграфе представлены источники, во втором параграфе мы разбираем, почему А.Н. Веселовский назвал эпос «новой формацией» в отношении к мифу.

¹⁰⁴ *Веселовский А.Н.* Дуалистические поверья о мироздании (1889) // А.Н. Веселовский. Избранное: Традиционная духовная культура. Отв. ред., составит., автор послесловия и комм. Т.В. Говенько. М., 2009. С. 336.

¹⁰⁵ *Веселовский А.Н.* Новые журналы по народной словесности и мифологии (1882) // Веселовский А.Н. Избранное: Критические статьи и заметки / Отв. ред., составит. тома, автор прим. и послесловия Т.В. Говенько. М.; СПб., 2016. С. 125.

¹⁰⁶ *Веселовский А.Н.* Новые исследования о французском эпосе // ЖМНП. 1885. Ч. ССXXXVIII. Апрель. С. 244

С точки зрения эволюции переход от «мифологического сознания» к «эпическому сознанию», по мнению А.Н. Веселовского, ознаменовался следующими фактами:

– мышление и речь человека сформировались уже настолько, что люди стали мыслить абстрактными категориями;

– «идея *тождества* уступает место идее *различия* при сознании *сходства*»¹⁰⁷;

– обмен опытом между людьми приводит к формированию повествовательных навыков речи;

– осмысленное восприятие впечатления делает возможным отражение условной реальности с помощью абстрактно-логического моделирования;

– впечатление выходит за границы жизни общины, как и племена стали выходить из «безразличия родового быта»¹⁰⁸ и сознавать себя отдельными друг от друга народностями в результате военных столкновений, обмена результатами труда и т. д.

«Всякий эпос зарождается, несомненно, после того, как в истории является известное историческое движение»¹⁰⁹, – считает А.Н. Веселовский. Например, героический эпос передает такие исторические моменты, «когда решается судьба, поднятия или падения народности; героями становятся те, в которых видели наиболее яркое отражение этих моментов; вокруг них и о них плодятся песни, образуется эпический цикл»¹¹⁰. Культ природы из мифа переносится на личность, становится его важнейшей конститутивной чертой, формирует систему его образов, сюжетику и художественный метод. Эпический мир предков, основателей рода, и их лидера мыслится сакральным, и в этом смысле опыт мифа чрезвычайно важен эпосу, однако на онтологическом, антропологическом, идеологическом уровнях он преодолевает мифическое, встает по отношению к нему в оппозицию.

¹⁰⁷ Веселовский А.Н. Из истории эпитета (1895) // А.Н. Веселовский. Избранное: Историческая поэтика / Автор вступительной статьи и комментариев, составитель тома И.О. Шайтанов. М., 2006. С. 509.

¹⁰⁸ Там же. С. 516.

¹⁰⁹ [Публикация Гацака В.М.]: Из лекций А.Н. Веселовского по истории эпоса // Типология народного эпоса. М., 1975. С. 292.

¹¹⁰ [Публикация Азбелева С.Н.]: Веселовский А.Н. Эпос (Из авторских конспектов лекционных курсов 1881–1882 и 1884–1885 гг.) // А.Н. Веселовский. Избранное: На пути к исторической поэтике / Составитель тома, автор послесловия и комментариев И.О. Шайтанов. М., 2010. С. 507.

Возникновение эпоса А.Н. Веселовский связывает с исторически возникшей потребностью народа осмыслить свою оригинальность по отношению к другому народу и самоутвердиться через родной язык и культуру. Эпический мир наделен всеми признаками мира реального, земного: в нем есть государственное устройство, социальная иерархия, враги, пиры, семья, дом и т. д., – все это является понятным и узнаваемым для носителей эпоса. Идеальными являются сами эти «переживания прошлого». И «чем *далее* образ или ассоциация образов удерживается в предании человечества, тем более мы вправе заключать об их *эстетичности*»¹¹¹.

«Эпос (как и миф), – подчеркивает А.Н. Веселовский, – *переживается* в истории, когда даны а) народ и б) интересы, всех одинаково и широко волнующие»¹¹². Он называет несколько причин, когда эпическая картина мира перестает быть актуальной: 1) социум теряет «связь с прошлым, с его поэтической идеализацией»¹¹³, 2) «расторглась цельность общественного строя»¹¹⁴ – часть нации удалена от участия в политике и правлении; 3) «личность приносит с собой скепсис и разнообразие понимания»¹¹⁵ истории, удаляет поэта в его внутренний мир.

В параграфе «Сравнительно-исторические исследования былин как способ каталогизации сюжетов» мы выдвигаем гипотезу, что «Южнорусские былины» – это не просто серия очерков, а хорошо продуманный исследовательский проект, своего рода сюжетный каталог с описанием разных типов эпических сюжетов, о потребности в котором для науки так часто говорил ученый. Как известно, подобного рода проекты изначально предполагают многолетнюю работу по обнаружению, накоплению и сбору фактов, чем, собственно говоря, и занимался А.Н. Веселовский. Его современники к восприятию такого типа исследований еще были не готовы, их оценка этюдов чаще всего сводилась к критике. Например, М.Г. Халанский считал, что А.Н. Веселовский «редко достигал совершенно убедительных даже для самого себя выводов и

¹¹¹ *Веселовский А.Н.* Поэтика сюжета (1913). С. 619.

¹¹² *Веселовский А.Н.* Эпос. С. 513.

¹¹³ *Веселовский А.Н.* Новые книги по народной словесности (1886). С. 584.

¹¹⁴ *Веселовский А.Н.* Эпос. С. 508.

¹¹⁵ Там же.

положений»¹¹⁶, а В.Ф. Миллер писал, что они «заслуживают более внимания по остроумию и смелости комбинации, чем по доказательности»¹¹⁷.

Принцип работы А.Н. Веселовского с эпическим материалом был следующим: описать структуру и состав текста; выполнить стилистический разбор; прокомментировать развитие сюжета с позиции дихотомии; выявить общие мотивы в других жанровых образованиях, чаще сказочного, житийного или легендарного характера; зафиксировать наличие или отсутствие письменных средневековых источников; изучить особенности эпох, проливая свет на историческое прошлое того или иного народа не только с точки зрения значимых событий, но и с позиции житейской мелочи.

Как писал М.К. Азадовский, А.Н. Веселовский «тщательно разграничивает центральные образы эпоса, в которых воплотилось национальное содержание и национальная идея, и образы второстепенные, эпизодические»¹¹⁸. Он надеялся получить более точное понимание о том, как функционируют устойчивые мотивы в сюжетных образованиях и в ходе сравнительно-исторических исследований решал следующие задачи:

- выявление закономерностей в процессе удержания формой конкретного содержания;
- установление отношений между «постоянным» компонентом, который обеспечивает стабильность, и «переменным», который приводит текст к отклонениям от нормы;
- обоснование причин сохраняемости и преемственности мотивов, сюжетов, поэтических приемов;
- обнаружение типологических особенностей эпических текстов разных народов, социальных групп и т. д.;
- описание диалектических процессов в эпосе и выяснение роли импровизации.

В национальных эпосах разных народов ученый обнаруживает большое количество универсальных выразительных средств, типовых формул и сюжетных линий, что заставляет его задуматься об эпосе как о художественной системе, которая, с одной стороны, развивается из своей национально-эпической традиции, а, с другой, – из общих законов психологии творчества.

¹¹⁶ Халанский М.Г. Русские былины Киевского цикла. М., 1885. С. 21.

¹¹⁷ Миллер В.Ф. Очерки русской народной словесности. М., 1897. Т. I. С. 234.

¹¹⁸ Азадовский М.К. История русской фольклористики. В 2-х томах. М., 2014. С. 849.

В.Е. Багно и М.Б. Плюханова в работе «А.Н. Веселовский: актуальные аспекты наследия» (2011) справедливо отмечают, что «Веселовский исследовал не предметы, не феномены, а *движущиеся потоки* – так он понимал всеобщую литературу, традиции, предания, и, наконец, творческую личность. <...> Его занимали процессы взаимодействия, взаимовлияния, пересекающиеся течения и слияния. Культурное пространство Европы он воспринимал как сквозное, открытое для влияний и взаимодействий, с меняющимися границами, нациями в их временном существовании»¹¹⁹. Отметив, что «язык всякого поэта создается в известной среде, что материал для него уже готов в древнейшей истории и в целом ряде влияний, которые он мог испытать»¹²⁰, А.Н. Веселовский придавал особое значение анализу контекстов на фоне сменяющихся социально-экономических и историко-психологических отношений.

Одно из явлений, наиболее сильно волновавшее А.Н. Веселовского – это отклонение фабулы от первоосновы. Его причину он видел в психологии исполнительского искусства. Скорее всего, пишет ученый, на излюбленных фрагментах исполнители предпочитали пускаться в подробности, а полузабытые, равно как и хорошо всем знакомые эпизоды, пересказывали быстро или упустили вовсе. Не исключено, что в процессе исполнения сказители в зависимости от ситуации могли осознанно или непроизвольно, по ассоциации, подменять одно произведение другим или частично соединять их. Понравившаяся версия могла остаться в репертуаре сказителя, а возникающие при таких обстоятельствах «неровности» в тексте со временем сглаживались за счет постоянных пересказов.

Свой первый опыт «поиска древней первоосновы» А.Н. Веселовский представил в работе на немецком языке «Beiträge zur Erklärung des russischen Heldenepos» («К объяснению русского героического эпоса») (1878). В качестве объекта исследования выступили тексты былины об Иване Гостинном сыне, зафиксированные в виде фрагмента о состязании коней. Инвариантное схематическое построение былины позволило ученому получить представление о ее структуре, сюжетообразующих мотивах и мотивах, играющих в сюжете второстепенную роль. Обнаруживая параллели былины в разных национальных эпосах, А.Н. Веселовский экспериментировал с воссозданием ее праформы. Он

¹¹⁹ Багно В.Е., Плюханова М.Б. А. Н. Веселовский: актуальные аспекты наследия // Александр Веселовский. Актуальные аспекты наследия. Исследования и материалы. СПб., 2011. С. 3–4.

¹²⁰ Веселовский А.Н. Из лекций по истории эпоса (1884). С. 449.

сделал принципиально новый шаг в сторону изучения сюжетно-мотивного состава былин, а также изучения типологии художественно-повествовательной системы русских былин как части общемирового фольклорного фонда. При этом А.Н. Веселовский не стремился к теоретическим обобщениям, так как допускал их «лишь в конце долгой ученой деятельности, как результат массы частных обобщений, добытых из анализа целого ряда частных фактов»¹²¹.

Имея дело с материалом, обладающим свойством расслаиваться, приурочиваться к разным военно-политическим событиям, мигрировать, трансформироваться и т. д., А.Н. Веселовский видел в систематизации и структуризации важный инструмент осмысления законов мотивики и сюжетики эпоса. Сегодня интерес к этой проблеме в эпосоведении растет. С помощью указателей, классификаторов, словарей мотивов исследователи ищут новые способы постижения законов эпического наследия разных народов.

В параграфе «Стратификация эпоса как способ изучения его многослоевого состава» говорится о стадияльных разновидностях эпоса. О многословном составе эпоса в свое время писали А.Н. Афанасьев, О.Ф. Миллер, Ф.И. Буслаев и другие, но только А.Н. Веселовский предпринял попытку рассмотреть это явление с точки зрения контактно-генетических связей и типологических схождений в эпическом мотиво- и сюжетосложении. Отказавшись от абстрактных размышлений об эстетических достоинствах эпоса, он одним из первых сделал ставку на его знаковую систему с организованной поэтикой и сюжетно-композиционной структурой.

Руководствуясь идеей эволюции бытия и сознания, ученый искал причины видового проектирования эпической традиции в когнитивных способностях «коллективного разума», в склонности человека к рецепции и репродукции, в сложившихся у того или иного этноса социальных норм, в наличии или отсутствии военно-политических конфликтов и отношения к ним общества, в пребывании или непребывании народа под национальным гнетом, в межнациональном диалоге, в прагматике ценностных суждений, в конфронтации между старыми идеалами и новыми условиями жизни и т. д. Выясняя условия и основания для формирования «внутренней законности народно-поэтического организма», он обнаружил не только разные виды эпических образований, но и надежные критерии для классификации эпических конгломератов. Между разновидностями эпоса ученый не устанавливал

¹²¹ *Веселовский А.Н.* О методе и задаче истории литературы (1970). С. 15.

обязательной эволюционной связи, как и не отрицал возможности перехода от одного вида эпоса к другому, если для того были созданы объективные предпосылки.

Воспользовавшись комплексным анализом трудов А.Н. Веселовского об эпосе, нам удалось выявить данные им характеристики разным эпическим видам и вынести их за пределы его работ с сохранением авторских формулировок. Обнаруженная нами стратификация эпоса доказывает, что для А.Н. Веселовского принципиальное значение имела методика опознания вида эпоса по признакам, которые определяют его феноменологию, семантическую структуру, функционирование словесно-художественных универсалий, и определить его место в многослойном составе эпического наследия.

Поставив эпические песни в отношении к действительности, ученый выяснял, «каким образом новое содержание жизни, этот элемент свободы, приливающийся с каждым новым поколением, проникает старые образы, эти формы необходимости, в которые неизбежно отливало всякое предыдущее развитие»¹²². Так он пришел к мысли, что процесс «формулизации» эпического наследия у разных народов завершался в разные исторические периоды при определенных условиях и обстоятельствах. Обнаружив объективные причины в отношении устойчивых форм к новому содержанию, выражающему «народно-политический взгляд на историю»¹²³ и идеалы прошлого, А.Н. Веселовский выделил критерии и систематизировал эпическое наследие следующим образом: мифологический эпос, лирико-эпический эпос, эпико-драматический эпос, эпопея и постэпический эпос.

В параграфе «Научная полемика вокруг теории происхождения героической эпопеи и ее поэтических приемов» анализируется отношение А.Н. Веселовского к научной полемике, которая развернулась еще в начале XIX в. вокруг теории происхождения героической эпопеи. Выводы ученого о том, что эпопея не может быть продуктом редакционного свода (не путать с реставрацией эпоса), основаны на его собственных выводах о смене в восприятии эпоса вследствие психологических и интеллектуальных изменений в жизни человека. История эпопеи – это все та же история идей, путь от

¹²² *Веселовский А.Н.* О методе и задаче истории литературы (1870). С. 20.

¹²³ *Веселовский А.Н.* Т. 4. Вып. 2. Италия и Возрождение. СПб., 1911. С. 142.

безличного отношения к событиям до восприятия «конфликта, происходящему в личности: драма вырастает из нее, не извне – по велению свыше»¹²⁴.

Наблюдения над русскими былинами, болгарскими, сербскими и греческими героическими песнями еще в самом начале научной карьеры убедили А.Н. Веселовского в том, что сказитель всегда старался исчерпать сюжетную линию и довести события до развязки. Однако здесь надо иметь в виду, отмечал ученый, что осознанность сказителем и его аудиторией единства и границ текста народно-поэтического произведения носит специфический характер. Эта идея позволила ему допустить, что изучение дошедших до нас эпоей должно складываться из других критериев, нежели мы применяем к литературным произведениям.

Важнейшими предпосылками эпопеи А.Н. Веселовский называл:

- смену мифологического ощущения времени эпическим;
- переход от синкретизма к детерминизму;
- «акт первого выхода личного творчества из массового»¹²⁵;
- богатство эпических песен и их «внутреннее единство, обусловленное единством содержания»¹²⁶;
- однозначную реакцию всех членов общества на эпопею как на национальное достояние с исключительной ролью «исторической традиции, родовой и народной»¹²⁷.

К сущностным признакам эпопеи он отнес:

- стремление к идеализации прошлого на фоне всеобщего народного единства и «осознание политически сплотившейся народности, чающей исторических целей»¹²⁸;
- присутствие личного поэтического акта, но еще не осознание его таковым;

¹²⁴ *Веселовский А.Н.* Заметки и сомнения о сравнительном изучении средневекового эпоса (1868). С. 9.

¹²⁵ *Веселовский А.Н.* Эпос. С. 512.

¹²⁶ *Веселовский А.Н.* Веселовский А. Н. История или теория романа? (1886) // А.Н. Веселовский. Избранное: На пути к исторической поэтике / Составитель тома, автор послесловия и комментариев И.О. Шайтанов. М.: Автокнига, 2010. С. 578.

¹²⁷ *Веселовский А.Н.* Синкретизм древнейшей поэзии и начала дифференциации поэтических родов (1899). С. 237.

¹²⁸ Из лекций А.Н. Веселовского по истории эпоса. С. 239.

– наличие «песенного предания с типами, способными изменяться содержательно, согласно с требованиями общественного роста»¹²⁹;

– тяготение к эпико-драматическому пафосу, трагическому конфликту и его разрешению;

– формирование параллельно устной традиции книжной формы эпоса.

Методы и приемы текстологии и источниковедения, герменевтики и филологического анализа приобрели особую значимость у исследователей следующего поколения. По ряду причин созданная А.Н. Веселовским система, совмещающая в себе и моделирующую, и рецептивную теории поэзии, широкого научного резонанса в его время не получила, но выводы ученого находили себе подтверждения и получали новые доказательства в трудах ученых следующего поколения.

В заключении к диссертации подводятся итоги, формулируются основные выводы и излагаются соображения о дальнейших перспективах исследования.

Мы выяснили, что 1) концепция А.Н. Веселовского о мифе разрабатывалась им как философская теория о «мифологическом мышлении», на основе которого произошли первичные формы и формулы, язык и стиль поэзии; 2) концепция сказки базировалась на его теории об эволюции сознания относительно жизни общества и символизации поэтических форм, являющихся продуктом прошлого; 3) концепция эпоса опиралась на его теорию о стадильном развитии поэтических форм и жанров на фоне переходов общества от «коллективного сознания» к личностно-индивидуальному.

Использованная в диссертации методика показала свою эффективность. Комплексно-тематический анализ опубликованных и неопубликованных трудов А.Н. Веселовского как на русском, так и на иностранных языках доказал, что он может быть применен для изучения и других концепций ученого.

Подводя итоги своему диссертационному исследованию, мы хотим еще раз подчеркнуть, что академик А.Н. Веселовский своими трудами внес существенный вклад в фольклористическую науку. В устном народном творчестве он увидел самостоятельную художественную систему с присущими ей этапами эволюции и закономерными процессами. К древнейшим, долитературным явлениям искусства ученый относил миф, сказку и эпос, которые, по его мнению, генетически предшествовали появлению других поэтических форм и жанров. Изучая их в свете исторической поэтики, А.Н.

¹²⁹ *Веселовский А.Н.* Из введения в историческую поэтику. Вопросы и ответы (1893). С. 58.

Веселовский делал акцент именно на этот «ряд неизменных формул, далеко простирающихся в область истории, от современной поэзии к древней, к эпосу и мифу. Этот материал, – писал ученый, – столь же устойчив, как и материал слова, и анализ его принесет не менее прочные результаты»¹³⁰.

Историческая поэтика была важнейшим научным открытием академика А.Н. Веселовского, доказавшим, что словесное искусство и художественно-эстетическое восприятие формируются в границах общественного сознания, находящегося под воздействием политических, экономических, культурных, этнических, природных и прочих условий. Эволюционное развитие поэтики проявляется в изменениях поэтической системы, которые зависят от исторического прогресса и гносеологических сдвигов в познании человеком себя и окружающего мира. Историческая поэтика А.Н. Веселовского глубоко антропологична, она выдвигает на первый план человека и его потребности, как материальные, так и духовные.

В поисках закономерностей словесного искусства ученый исследует как фольклорные, так и литературные произведения под гносеологическим углом зрения. Искусство для него неразрывно связано с познавательной деятельностью и начинается с вопросов об окружающем мире. Ориентируясь на типологические тенденции в искусстве, ученый видел в них проявления общих процессов в культурно-исторической жизни разных народов. Признав неразрывную связь между языком и словесным искусством, А.Н. Веселовский приводил их к общему истоку – «мифологически-символическому мирозерцанию» и словотворчеству. Умело соединяя методы разных теорий (культурно-исторической, мифологической, сравнительно-исторической, антропологической), А.Н. Веселовский объяснял, как устроены многообразные процессы и явления в жизни человека и общества, приводящие к изменениям форм и стиля словесного искусства.

Важная роль в художественном процессе, начиная от простейших форм и до современного романа, отводилась ученым взаимоотношениям поэта с его аудиторией. Сквозной темой работ А.Н. Веселовского стало изучение восприятия творчества поэта в разные эпохи. Осмыслив устное поэтическое творчество и творчество выдающихся поэтов разных литературных эпох, ученый пришел к выводу, что их художественно-эстетические достижения были частью культурного процесса того общества, в котором они жили и творили.

¹³⁰ Там же.

Об актуальных методах и задачах истории литературы А.Н. Веселовский много рассуждал еще в молодые годы, например, в «Отчетах о заграничной командировке» для Министерства народного просвещения. С первых же исследовательских шагов он заявил о себе как об ученом, который тщательно отбирает, проверяет и кропотливо накапливает факты. Привязав историю словесности к эволюции сознания, А.Н. Веселовский одним из первых акцентировал внимание на коммуникативную функцию фольклорного нарратива, из чего вполне логично вытекали вопросы о значимости контекста и интертекста, о его структурности и релятивности. В основу поэтической системы ученый заложил когнитивные способности человека осмысливать впечатления, кодировать, сохранять и передавать информацию («закреплена словом»), а также коллективные переживания действительности, постигаемые общественным сознанием и закрепляемые в социальных и художественных идеалах («отражениях»). Он осмысляет, при каких условиях изменяется отношение к поэтическим формулам и на основании чего происходит их обновление в соответствии с эстетическими вкусами и потребностями социума нового поколения. «В этом и состоит сущность историко-литературной эволюции, что все новое рождается из старого; но в этом вопрос и соответствующего научного метода, что первое получает свое органическое объяснение из второго и помимо его необъяснимо»¹³¹.

Чтобы заменить «ходячие «теории поэзии» чем-нибудь более новым и цельным»¹³², он предложил изучать *генезис* и *историю* мировой литературы как *процесс*, «совершающийся в постоянной смене *спроса и предложения, личного творчества и восприятия масс*, и в этой смене вырабатывающий свою законность»¹³³, семантику и прагматику устно-поэтической и книжно-художественной словесности. Обратив внимание на то, что форма и содержание редко покрывают друг друга и создают известную цельность и полноту, А.Н. Веселовский стал выяснять, почему это происходит. Для этого он попытался разобраться в функциональных особенностях поэтического стиля, языка, мотивики, сюжетики и т. д. — то есть в особенностях всего поэтического организма в контексте культурно-исторического развития общества.

¹³¹ Веселовский А.Н. Новые книги по народной словесности (1886). С. 214.

¹³² Веселовский А.Н. Определение поэзии (1959). С. 83.

¹³³ Там же.

Историческая поэтика А.Н. Веселовского – это не только теория, но и оригинальная филологическая школа со своей методологией, принципами изучения, с разработанными поэтическими категориями. Идеи А.Н. Веселовского нашли отражение и были реализованы представителями самых разных научных направлений: формалистами, структуралистами, неомифологами, семиотиками, феноменологами и др. Намеченные им векторы научных поисков получили дальнейшее развитие в отечественной фольклористике в трудах сказковедов, эпосоведов, мифологов. Перспективы дальнейших исследований по теме данной диссертационной работы, на наш взгляд, заключаются в изучении рецепций теоретического наследия А.Н. Веселовского в области изучения мифа, сказки и эпоса.

**Публикации автора по теме исследования из перечня журналов,
рекомендованных ВАК**

1. Говенько Т.В. Работы академика А.Н. Веселовского об эпосе: концептуально-методологический аспект // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Серия «Эпосоведение». 2022. № 1(25). С. 5–17. DOI 10.25587/a1682-8086-4671-y – 1 а.л.
2. Говенько Т.В. Методологическое новаторство А.Н. Веселовского в изучении сказки // Литература в школе. 2022. № 1. С. 18–27. DOI: 10.31862/0130-4314-2022-1-18-27 – 1 а.л.
3. Говенько Т.В. А.Н. Веселовский и научная полемика о генезисе героической эпопеи // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 3. С. 204–223. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-3-19-204-223 – 1 а.л.
4. Говенько Т.В. Диалектика мифа как метод изучения академиком А.Н. Веселовским эволюции и генезиса художественных форм // Известия СОИГСИ 2021 42 (81). С. 130–139. DOI: 10.46698/VNC.2021.81.42.013 – 1 а.л.
5. Говенько Т.В. Стратификация эпоса в трудах А.Н. Веселовского // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Серия «Эпосоведение» 2021, № 3, с. 5–18. DOI 10.25587/14978-0541-3882-p – 1 а.л.
6. Говенько Т.В. Александр Веселовский о мифе: концептуально-методологические аспекты дипломной работы (на материалах из личного архива ученого) // Вестник Костромского университета. 2021. № 3. С. 71–76. DOI 10.34216/1998-0817-2021-27-3-71-76 – 0,8 а.л.

7. Говенько Т.В. Теория А.Н. Веселовского о мотиве и сюжете в отражении фольклорной сказки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 3. С. 511–518. DOI 10.22363/2312-9220-2021-26-3-511-518 – 0,8 а.л.
8. Говенько Т.В. О международных связях А.Н. Веселовского и восприятии его творчества за рубежом в XIX в. // Studia Litterarum. 2020. Т. 5. № 1. С. 326–353. DOI 10.22455/2500-4247-2020-5-1-326-353 – 2 а.л.
9. Говенько Т.В. Опыт реконструкции былин в работах А.Н. Веселовского // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Серия «Эпосоведение». 2020. № 1(17). С. 90–99. DOI 10.25587/SVFU.2020.17.58369 – 0,8 а.л.
10. Говенько Т.В. О роли А.Н. Веселовского в подготовке В.В. Каллашом «Полного собрания сочинений И.А. Крылова» (СПб., 1904–1905) // Русская словесность. 2019. № 4. С. 25–31 – 0,6 а.л.
11. Говенько Т.В. Неизвестная работа А.Н. Веселовского о картине Н.Н. Ге «Вестники Воскресения» (1867) // Традиционная культура. 2019. Т. 20. № 3. С. 11–21. DOI 10.26158/TK.2019.20.3.001 – 1 а. л.
12. Говенько Т.В. К истории идеалов: неизвестная работа А.Н. Веселовского // Традиционная культура. 2018. № 1 (69). С. 31–36 – 0,6 а. л.
13. Говенько Т.В. А.Н. Веселовский. Социальные идеалы и идеалы искусства / Подготовка к печати, примечания Т.В. Говенько // Традиционная культура. М., 2018. № 1 (69). С. 13–30 – 1 а. л.
14. Говенько Т.В. Актуальность и значение идей А.Н. Веселовского в изучении эпоса монгольских народов (К 180-летию со дня рождения академика) // Монголоведение (Монгол судлал). 2018. № 15. С. 163-181. DOI 10.22162/2500-1523-2018-15-163-181 – 1 а. л.
15. Богданова О.А., Говенько Т.В. Международная научная конференция «Наследие Александра Веселовского в мировом контексте» // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2017. Том 76. № 4. С. 75–80 – 0,3 а. л.

Сборники трудов А.Н. Веселовского, подготовленные к печати автором

1. А.Н. Веселовский. Работы о фольклоре на немецком языке (1873 – 1894).
Тексты. Опыт параллельного перевода. Комментарии / Составление, перевод, вступительная статья, комментарии Т.В. Говенько. М.: ИМЛИ РАН, 2004. 544с.

2. Веселовский А.Н. Избранное: Традиционная духовная культура / Отв. ред. и состав. тома, автор послесловия и комментария Т.В. Говенько. М.: РОСПЭН, 2009. 624с.
3. А.Н. Веселовский. Избранное: Эпические и обрядовые традиции / Состав. тома, примечан., археографическая работа, послесловие Т.В. Говенько. М.: Политическая энциклопедия, 2013. – 639с.
4. А.Н. Веселовский. Избранное: Критические статьи и заметки / Отв. ред., состав. тома, автор примеч. и послесловия Т.В. Говенько. М.-СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2016. – 496с.
5. Наследие Александра Веселовского в мировом контексте. Исследования и материалы / Отв. ред. Т.В. Говенько. М.: РОСПЭН, 2016. 320с.
6. Эпистолярное наследие академика А. Н. Веселовского. Переписка с иностранными учеными (М. Гастером, Г. Зухиром, Р. Кёлером, К. Кроном, К. Крумбахером) / Состав., вступит. ст., коммент., перев. с нем. яз. Т.В. Говенько. Утверждено к печати Ученым советом ИМЛИ РАН в 2021 г.